

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 37

Юрий Белов

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕ ТОЛЬКО О СЫЧЁВКЕ

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 37

Юрий Белов

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕ ТОЛЬКО О СЫЧЁВКЕ

Рославль 1978

Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он лжец и отец лжи.”

(Иоан. 8,44)

**Приложение к ежемесячному журналу „П о с е в“
Выходит 4 раза в год**

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1980
Frankfurt/ Main
Printed in Germany**

Юрий Сергеевич Белов, 1940 г.р., в 1959 г. был исключен из Ленинградского университета за поддержку репрессированных марксистов-ревизионистов, хотя сам он не разделял их убеждений. В 1960 г. за антисоветскую агитацию уволен в запас с военной службы. Продолжил обучение в Калининградском университете, откуда был исключен в 1963 г. за занятия языком эсперанто, антисоветские взгляды и "восхваление НТС". По ст. 70 УК РСФСР осужден на 3 года лагерей и 2 года ссылки. В ссылке вновь арестован и по ст. 70 часть II как "особо опасный рецидивист" приговорен к 5 годам лагерей особого режима. В 1970 г., за нарушения режима, из лагеря до конца срока отправлен во Владимирскую тюрьму. В 1971 году за отказ раскаться и сотрудничать с КГБ обвинен по ст. 70 и 64 УК РСФСР. Так как Ю.Белов отказался давать показания и вообще разговаривать со следователями, его отправили на экспертизу в институт судебной психиатрии им. Сербского, где он был признан неизменяемым.

С 16 апреля 1972 г. по 7 января 1976 г. Ю.Белов находился на принудительном лечении в Сычевской спецпсихбольнице, затем в Смоленской СПБ. В сентябре 1976 г. был переведен в больницу общего типа по месту ссылки в пос. Поймо-Тины Красноярского края. Освобожден 13 декабря 1977 г.

После освобождения проживал в Москве и Рославле /Смоленская обл./ и принимал участие в деятельности Рабочей комиссии по исследованию использования психиатрии в политических целях. После того, как КГБ предложило Ю.Белову выбор - покинуть страну или получить новый срок, - он выехал из СССР.

В общей сложности Юрий Белов провел в заключении и ссылке более 14 лет.

Мне еще не исполнилось 32-х лет, когда я переступил порог Сычѣвского психиатрического концлагеря, покинул же я его на 37-ом году жизни, оставив позади 8 лет лагерей, тюрем, ссылку и психушки. Сейчас - мне 38. За 14 лет заключения я повидал многое: убийства, истязания, отчаяние и страх. Но такого унижения человеческого достоинства, как в Сычѣвке, не видел нигде. Мои тюремщики в Сычѣвке от алкашей и дебилов-ключников до интеллигентствующих палачей в белых халатах далеко "ушли из человечества"⁺. Они хотели "увести" и меня, и других узников. Им удалось увести некоторых из жизни, из сознания... Не больше. В Сычѣвке я убедился, что человека невозможно победить. Люди физически слабее не людей, но нелюди бессильны перед людьми.

"Из-под стражи освободить..."⁺⁺

De-jure все признанные невменяемыми содержащиеся в тюрьмах преступники немедленно освобождаются из-под стражи. Таков юридический пропуск в психтюрьмы.

Как это происходит?

14 февраля 1972 года в самый разгар облавы КГБ на Демократическое движение профессор института им. Сербского Ильинский вынес решение о признании меня невменяемым. И в этот же день, через полчаса после комиссии меня отправили в Лефортовскую тюрьму.

Тем временем акт экспертизы был отправлен прокурору Владимирской области. Сначала меня держали в одиночке, а за сутки до отправки во Владимир посадили в камеру к "валютчику" Исаеву. Исаев проходил по большому делу о спекуляции алмазами. Его шеф Анатолий

⁺ Термин А.Солженицына.

⁺⁺ Из Постановления Верховного Суда СССР.

Глод ожидал отмены или исполнения смертной казни. Все однодельцы этого процесса были разбросаны по разным камерам необъятной Лефортовской тюрьмы. Исаев все время плакал. Политикой не интересовался и не мог мне подсказать, где, в какой камере, сидит Буковский.

Я уже знал, что Володя осужден на 7 лет лагерей, так как я ехал в Лефортово в той же тюремной машине, в которой, видимо, везли с суда и Буковского. На дверце было нацарапано по-английски: "Bukovski-70-7 years".

Через день меня отправили во Владимирскую тюрьму. Утром, когда я относил тюфяк из камеры в коридор, я впервые увидел молодого худощавого человека, так знакомого мне по фотографиям. Тюремщики, однако, велели Буковскому следовать в машину подогнанную вплотную к тюремному выходу. Затем и я был посажен в эту же машину, но в глухой боковой бокс, в котором можно было только сидеть.

Так же нас разлучили и в заквагоне. Но, боясь более не увидеться, мы переговаривались. А по прибытии во Владимирскую тюрьму нас посадили в одну камеру. Володя был в своей одежде, а я в полосатой. Его очень забавлял мой вид в этом шутовском наряде. Я дал ему прочесть свой последний приговор, который развеселил его необыкновенно. После стандартных обвинений в "клеветнических измышлениях" приговор утверждал, что в моих сочинениях приводятся "факты, подрывающие веру советских людей в справедливость действий правительства".

Просидели мы вместе лишь выходные дни, а в понедельник нас развели по камерам. У Володи началась жизнь тюремная, у меня - "больничная".

Действительно, меня перевели в так называемую больничную камеру. И месяца через два

тюремная секретарша протянула мне в кормушку лист бумаги. Это было определение Владимирского облсуда о прекращении моего уголовного дела в связи с тем, что я не могу отвечать за свои поступки "в силу своего психического состояния".

И еще гуманнее фраза была в определении суда: "По своему психическому состоянию - тяжёлая психическая болезнь - Белов не может отбывать наказание". Следовательно и от "наказания" освободили. И, конечно, из-под стражи тоже освободили.

В середине мая пришли начальники с лицами, источавшими ликование, и нахмурили брови, увидев меня в каторжной полосатой робе. И вот уже подбежал услужливый тюремный придурок с новехонькой черной тюремной робой. И сказало, чуть не воркуя, начальство: "Вы теперь, Юрий Сергеевич, не заключенный; вы вольный человек, такой же, как мы". Они-то думали по своим коммунистическим меркам, а я по своим - и сказал: "Все же свободнее я."

И погнали утром меня опять через пути - к Владимирскому вокзалу. Я один, их шестеро: пять человек и огромный пес. И даже наручники не забыли надеть "свободному" по их понятиям. Потом везли двое суток какими-то круглыми путями до станции Сычёвка на Смоленщине. Выгрузили с толпой серых зэков в привокзальную грязь и дождь. Гаркнули: - "Сесть на корточки!" Все сели, кроме меня. Я сказал: "Я свободный".

Захотали, завертели пальцами у лбов. Снизошли: пусть стоит дурак, ему в дурдоме сидеть до пенсии. И через два километра грязи втокнули в черную скрипучую дверь, которая для меня не откроется больше никогда, потому что мучительные полторы тысячи дней и ночей я проведу здесь, а когда меня разбудят средь

ночи, чтобы увезти из Сычѳвки внезапно и неизвестно куда, этой двери уже не будет. Я буду идти бетонными коридорами и решетчатыми коридорами пока не пройду в решетчатую калитку решетчатых монументальных ворот, которые станут единым входом для п/я ЯО-100/5 /больницы/ и п/я ЯО-100/7 /лагеря/.

Но и тогда через 4 с лишним года меня не отпустит конвой. И кто сердобольный сказал бы парням из МВД, гонящим меня по этапу в Смоленск: "Детки, оставьте этого сумасшедшего. Пять лет назад его освободили из-под стражи. Вот и справочка об освобождении, выданная во Владимирской тюрьме, - обтрепалась!"

Но если бы и нашелся такой сердобольный, не отпустили бы меня "детки", выполнявшие одну из почетных обязанностей советской конституции - пусть эта бумажка удивляет тех, кто верит бумажкам, кто верит словам! "Детки" же знали /и знают!/ что в ГУЛаге - свои понятия о свободе, - и водят и гонят по этапам, и сдают в психиатрические тюрьмы "освобожденных" узников. И даже не догадываются о том, что это - ложь: ложь тюремщика, ложь приворщика, ложь палача... Этот тюремщик, притворщик и палач - Верховный Суд СССР - ибо эта ложь с "освобождением" из тюрьмы в тюрьму - его детище.

Больница

Дежурный офицер МВД, увидев, что один заключенный остался, крикнул: "Гони его туда же, там разберемся!". И конвой пригнал меня в зону, где поставил под дождем в большой луже вместе с заключенными, прибывшими в зону № 7. Свет от прожектора высвечивал деревянные столбы с колючей проволокой и кирпичную стену, по которой с гребня стекали потоки дождя.

Но вдруг встрепенулось начальство. Стали назойливо повторять мою фамилию. Заключенные подсказали: "Вот, дурак". Меня вывели из ворот 7-го концлагеря и провели через широкую черную дверь 5-го концлагеря. Между обеими зонами была натянута двойная колючая проволока, образуя так называемую "огненную зону".

Здесь меня передали надзирателю. Ведя меня по мрачному тесному коридорчику, надзиратель сочувственно спросил:

- Знаешь куда попал?

- В тюрьму, - ответил я.

- Хуже! Отсюда лет 20 не выйдешь...

Меня принимала молодая врач Ольга Макарова, лет 28-ми. Разорвав пакет и посмотрев дело, спросила:

- Политический?

- Да.

- Еще один, - прокомментировал надзиратель.

Целое море информации. Значит, здесь есть категория политических, начальство знает с кем имеет дело и, главное, - я буду не один.

Макарова, прочитав диагноз - "Патологическое развитие у психопатической личности" - долго хохотала.

- Пойдете в Четвертое. Вы - рецидивист, - распорядилась она, обращаясь только ко мне.

Прежде, чем отвести меня в Четвертое, надзиратель повел меня по лужам сквозь черный холодный дождь в баню. Баня оказалась одноэтажным домом, похожим на склад, с широкой

деревянной дверью. Огромная и довольно глубокая /выше щиколоток/ лужа у входа озадачила надзирателя. Он нашел рядом катушку из-под кабеля, по которой мы и переправились на порог бани. В бане тоже стояла вода. Я вспрыгнул на одну скамью, надзиратель - на другую. Раздевшись, я нерешительно направился в моечную, в которой холодная грязная вода затопила пол до уровня моечных столов. Баня, описанная Достоевским, показалась мне в тот день недостижимой мечтой. Я выскочил из бани буквально синий и еще - немного рыжий, - из кранов текла мутная рыжая вода. Надзиратели сочувственно побурчали, что все у нас бестолково, потому что кругом сплошь дураки, да пьяницы, а кто поумнее - тот подлец. "Нет, советскую власть не перевернешь, - начали объяснять мне они, - она сильна своею неразберихою. Все из рук вон плохо, а вроде бы так и надо".

Меня переодели в больничное: рваные кальсоны, со штаниной, оторванной почти по колено, рубаху, настолько истончавшую от стирки в хлорке, что в ней страшно повернуться; дали и тапочки: и совсем уж не важно, что и по форме и размеру - разные и обе на одну ногу, плохо, что грязны и рваны до невозможности в них ходить, особенно по сычѣвским лужам. /Я не мог тогда предположить, что мне *никуда* целых три года и не придется выходить./ И, наконец, надѣл я халат серый, тоже рваный, зашитый кое-как, без пуговиц, едва достающий до колен. "Только что из стирки", - объявили мне. Действительно халат стоял колом, светлые пятна перемежались с оставшимися грязными, даже с неотмытой кровью. Увидев мое замешательство при виде пятен крови, старый надзиратель ободряюще пошутил:

- Во куда идешь! на бойню идешь!

В таком шутовском наряде меня повели по хлю-

пающим в грязи мосткам, которые то и дело прерывались. И тогда не только я, уже набравший воды и грязи в свои белые шерстяные носки /которые с меня по добросердию не сняли надзиратели/, но и обутые в резиновые сапоги стражи останавливались в нерешительности.

Я успел заметить в темноте 7 или 8 двухэтажных барачков с тускло освещенными зарешеченными окнами. Дождь хлестал с остервенением, а с двух сторон доносились догоняющие друг друга крики: "Ой, ой, о-о-ой, больно, рука-а!" и "Сестра, доктор, спаси, спаси-и-ите!" Черный дождь, потоками сбегавший с небес, глухо задранных тучами, подчеркивал безнадежность этих криков.

Меня охватил ужас, когда в сменявшихся перед моим взором окнах первого этажа я увидел тюремные камеры, сплошь заставленные койками. Черные двери с глазком, узкие проходы между койками, черные одеяла и торчащие из-под них серые стриженные головы. словно кадры из какого-то фантастического фильма. Я, дрожащий от холода, с безнадежно промокшими ногами, был в нескольких секундах от судьбы этих узников инкубаторов смерти и безумия.

Я подумал о том, как правы те, кто говорил, что жизнь человеческая не ценится на Востоке. И вскоре мне представилась возможность понять, почему не ценится...

Отделение

- Студент, пришли! - весело крикнул мне надзиратель, тот что помоложе, когда мы наконец юркнули в подъезд самого крайнего к соседнему лагерю №7 тюремного корпуса.

Оставив внизу площадку с дверью, над которой было обозначено "11-е отделение", мы поднялись на второй этаж. Такая же тюремная с глаз-

ком дверь, но табличка другая: "4-е отделение". Позвонив, старый надзиратель мрачно-сочувственно заметил мне:

- Эх, малец, мало кто отсюда скоро выходит, чаще всего вперед ногами выносят. Вот и ныне у них покойник.

Нам открыл другой надзиратель и мы вошли в узкий темный коридор с черными дверьми по обе стороны. Он недружелюбно осмотрел меня, велел "ошмонать", отобрать уже ставшие негодными белые носки, носовой платок и целлофановый пакет со всем его содержимым. Поковырявшись, страж выбросил на пол расческу и скомандовал: "сжечь" /я наивно полагал, что в больнице-то она мне пригодится/. Минут пять он изучал мои газеты "Morning star" и журналы "Англия" и "L'Humanité Dimanche", "Heroldo de ESPERANTO". Посмотрит, перелистнет и на меня обернется. Приведшие меня не стали ждать конца обыска и ушли. Он еще покопался в письмах и выдохнул "Понятно!" объявил, что все это передаст врачу, а мне - "не положено". Потом пробурчал:

- Видать что за птица!

Молодая медсестра записала мои данные в книгу и ушла. Три санитары сразу стали выпрашивать меня: кто, откуда, за что и т.д. Надзиратель велел определить меня в "поднадзорку".

Меня повели мимо закрытых черных дверей с глазками. Дверь в одну маленькую камеру была приоткрыта и я увидел накрытого простыней токойника с торчащими огромными белыми ногами.

- Во - один ослободился, другой на его место, - восторженно показывая поочередно на покойника и на меня, сказал санитар надзирателю.

Тот процедил глухо:

- И этой осломонитси.

И какая ненависть была в словах этого надзирателя! Но как можно ненавидеть того, кого не знаешь? Послушные ученики советской пропаганды привыкли ненавидеть целые народы, что им один человек! "Ненависть" - одна из заповедей так называемого Морального Кодекса коммунизма. Позднее, этот надзиратель будет часто повторять, что, будь он на месте судьи, он расстреливал бы таких, как я. Особенно же ему не терпелось, чтобы "задавили" в Америке Солженицына. А академика Сахарова в Сычёвку, и держать на вязках⁺ "пока не опомнится".

Фамилия его - Афанасьев. Более 35 лет он прослужил в ГУЛаге. Люди воевали, а он возил в телячьих вагонах людей за "язык", за саботаж, за "колоски". Потом осел в Смоленской тюрьме. До пенсии же доработал в Сычёвке, где построил себе избу. Но не впрок пошли ему его сбережения, накопленные грабежом да мордобоем в учреждениях ГУЛага. Ограбили его так называемые "химики", т.е. заключенные, выпущенные условно с тем, чтобы работать на предприятиях. Ограбили старика дочиста. Пошел старый надзиратель в милицию. А шел он напрямик через какую-то стройку мимо спецбольницы! Да запнулся за железку какую-то или проволоку. Упал. Сломал ногу. И замерз. Кричал, но никто к нему на помощь не пришел. Сработал "эффект больницы". Сычёвцы уж привыкли, что оттуда их на разные голоса умоляют: спасите! помогите!! Да и шли все мимо, смирившиеся с этими обценившимися призывами к милосердию и помощи. Старикау бы надо было орать: "Помогите я - не зык, я - не сумасшедший!"

+ Крепко привязать /жарг./.

Комментируя этот фарс один надзиратель сказал мне: "Что может породить волчица? Только волков!?"

Итак, меня довели до другой камеры, настежь открытой, на пороге которой сидел санитар. Ему сказали мое имя и что "особо опасен", и что "склонен к побегу", но не "эпилептик" и не "суицид". /Дело в том, что санитарам дают 4 списка. Они обязаны знать у кого припадки, за кем надо следить, чтоб не вздернулся, за кем, чтобы не сбежал, и от кого можно ожидать "агрессии". Политические автоматически попадают в список "опасных"./

Сестра потопталась возле поднадзорки, не зная, кого же можно оттуда перевести в "палату". Наконец, указала на Гусева. Оказалось, он лежал там уже второй год. Санитары разбудили Гусева кулаками, а потом, вскочившего, ошалевшего от сна, вытолкнули в коридор и руками и ногами "довели" до одной из "палат", которую открыли со страшным шумом и лязгом /сначала открывают висячий замок и отодвигают тяжелый засов, затем, огромным ключем, которым так удобно бить заключенных, открывают еще и накладной замок/. Ударом ноги в спину втолкнули туда Гусева, разбудив спящих в камере. При этом медсестра, до этого сонная и недовольная, засветилась улыбкой и с интересом наблюдала этот ужас.

Я ее впоследствии спрашивал: "Неужели это смешно, ведь это жестокость." - "А что я рыдать должна?" - был ее ответ.

Палата

Правду говорят, что первое впечатление самое яркое и незабываемое. Мне никогда не забыть, как я провел первую ночь в этой так называемой больнице. Было около 3-х часов ночи, когда меня поместили в "наблюдательную пала-

ту". Меня едва не стошнило от одного только вида рваного, застиранного, испачканного кровью грязно-серого солдатского одеяла. В камере нестерпимо воняло мочой. Воняло и от одеяла. Простыня, наволочка на подушке и матрац были невероятно грязны. За 8 лет проведенных до этого в лагерях и тюрьмах, я научился ничего не бояться, но не мог преодолеть ужас перед насекомыми. Вездесущие русские клопы не исключили Сычëвку из географии своего обитания. Их раздавленные кровавые тушки пятнами безобразили стены, койки, одеяла.

Так как не только ночью, но и днем в этой "палате" разрешалось только лежать, у меня было достаточно времени изучить ее. 11 коек с узкими проходами между ними. Койки специальные "для беспокойных больных", с приспособлением для связывания.

Два мрачных грязных окна, зарешеченные толстыми, в дюйм, стальными прутьями, дополнительно затянуты еще железной сеткой. Стены разрисованы грязно-мокрыми разводами сырости. И страшная, нестерпимая вонь. Войдешь с улицы - дурно становится.

Пробыл я в "наблюдательной палате" более месяца. И в первое же утро получил чудовищную порцию аминазина: 300 мг. И так - трижды в сутки. Не проглотить этот яд - проблема: сестры лезут в рот металлическим шпателем. Но с помощью санитаров, если их предварительно подкупить - пачка хороших сигарет, носки, так называемый ларек - можно избежать проверки, отдав таблетки им.

Врач вызвал меня лишь через неделю после моих настойчивых просьб.

" Штирлиц "

Я спросил почему мне назначили такую лошади-

ную дозу аминазина. Он ответил, что меня надо лечить, потому что я совершил большую подлость против народа.

- А вы здесь защищаете интересы народа?

- Да, - ответил врач, - а как же, мы - патриоты. Мы обязаны защищать народ от вас - отщепенцев и предателей.

- Полицейские функции входят в обязанности врача? - спросил я.

- У нас нет полиции, - был ответ, - но мы стоим на страже Закона.

- И как же "стоите на страже", со шприцом?

- Не только, - пояснил врач, - у нас есть и кулазин[†] и автоматы...

- ...и атомные бомбы, - добавил я.

Так я познакомился со своим палачом, капитаном МВД Зеленеевым, выдающим себя за врача-психиатра.

Альберт Зеленеев был 40-летним, чуть сутулым, крупным большеносым мужчиной, скорее похожим на слесаря-пьянчугу, чем на врача. Его взгляды - довольно странная смесь из сталинизма, сентиментального патриотизма, ненависти к Западу и презрения к "брежневской команде". Почти слезливые и подобострастные до холуйства рассуждения о Сталине и сталинцах перемежались у него со злобным осуждением "либеральных ревизионистов" из окружения Брежнева. Зеленеев не видел теперь "порядка". /"Это ж надо додуматься - врагов в больницы класть! Дай мне приказ, я б тебя лично расстрелял!"/

+ Мордобой /жарг. тюремщиков; термин образован по аналогии с аминазином/.

Почему терпят Солженицына? Как могли такого врага отпустить? Почему не расстреляли? А что с Сахаровым нянчатся? Сталин вот не посмотрел даже на Бухарина и Тухачевского. Враг - значит к стенке! - такова философия Зеленева.

Я удивлялся, почему такой упырь в образе человека - не член партии. И однажды спросил его об этом. Зеленева посмотрел на дверь /чего-то все ж боится/ и ткнул пальцем на лист календаря "11 сентября". Это было через год после переворота генерала Пиночета в Чили.

Как и все негодяи, Зеленева был трусом. Я останавливал его прыть угрозами "сообщить о его зверствах по Голосу Америки". Ян Крыльский запугал его смертельно тем, что как только вырвется с вязок отрубит ему голову топором. Анатолий Хансов поймал Зеленева в уборной и был готов утопить его в фекалиях. Во всех этих случаях Зеленева трусливо отступал.

О фашизме Зеленева отзывался отрицательно, и сильно обижался, когда его называли "фашистом". Он понимал это буквально и сразу сообщал, что он - еврей. Когда же уголовники обзывали его "жидом", то Зеленева снова обижался и говорил, что он ненавидит "жидов" и что он "чисто-русский". При этом он даже сентиментально вспоминал, как в войну немцы кормили его шоколадом. Воспоминания о немецком шоколаде, видимо, неудержимо тянули Зеленева к экрану телевизора, когда там показывали фильм "Семнадцать мгновений весны". Зеленева буквально бросал все и не отходил от телевизора, пока не закончится очередной анекдот о разведчике Штирлице. За это и персонал и больные прозвали Альберта Зеленева "Штирлицом". Ему очень нравилось это прозвище и он весьма им гордился.

По слухам, Зеленева был отчислен из мединститута в Смоленске за неуспеваемость, но по-

лучил диплом благодаря связям с КГБ. Почти 15 лет он сотрудничает с чекистами, числясь "внештатным сотрудником КГБ" в Сычѳвке. Он уже 10 лет начальник отделения. Женится на медсестре. У него автомобиль "москвич". А отец его был репрессирован в годы Великой Чистки за свои занятия эсперанто.

Зеленеев неплохо устроился в Сычѳвке. Работой он себя не обременяет, обходов вообще не делает. Если он и приходит на работу, то озабочен больше разгадыванием кроссвордов или мучительными раздумьями о том, где достать дрова или куда выгоднее съездить за мясом - в Москву или в Белоруссию?

Крики больных его раздражают. Когда бьют больного ногами вблизи его кабинета, он, после некоторого раздумья, выходит в коридор и повелевает "убрать" избиваемого. Больной обычно вопит и с надеждой взирает на "доктора", но "доктор" быстро прячется в свою конуру, нажимает кнопку и вызывает старшую сестру.

Старшая сестра

Людмила Пискунова мгновенно влѳет в его кабинет, но всегда кокетливо-стыдливо, рдея от волнения, с подобострастной улыбочкой осведомляется:

- Вы меня звали Альберт Иович?

Зеленеев никогда не называет ее по имени. Он дает ЦУ⁺: такому-то больному 4 или 6 или 8 или 10 /Зеленеев не любит нечетных чисел/ сульфазина и зафиксировать.

Победоносно Пискунова влѳет в процедурку:

+ Ценные указания - сокращение советских бюрократов.

- Девочки, где наша сульфазиновая кружка?

"Девочки", лет по 50, быстро, понимая необходимость скорой и гуманной помощи больному, извлекают закопченную кружку и начинают греть желтый сульфазин. Старшая сестра, бросив все дела, нетерпеливо контролирует исполнение указания. А дел у нее много: ведь вся работа врача взвалена на нее. Надо самой писать дневнички в историях болезни, и самой же списывать назначения, выписывать лекарства, чертить схемки аминазино- и галоперидоло-терапии, заполнять сульфазинные листы. Она же раз 20 в день пролетает по коридору, заглядывая в волчки "палат". Пискунова, как прирожденная охотница, непременно находит какой-нибудь непорядок и ее пронзительный крик заглушает все остальные звуки в отделении:

- Гусев, отойди от окна!

- Белов, сядь так, чтоб я видела, что ты там читаешь?.. Ах, картинки смотришь, тебе телевизора мало!.. Ну и что ж что не записан на телевизор, а ну-ка отдай мне альбом, где ты его достал? - свинья грязи найдет! Санитары, куда вы, остолопы, смотрите!

- Михайлов - ах ты сволочь! ах ты гад! ах ты змей! - сейчас же пойду выпишу сульфазин, я тебе покажу "стерва"! /Это она подслушала разговор в камере./

- Настя, вынь сейчас же палец из задницы! /"Настей" она, как все врачи, и сестры, и санитары, не без удовольствия зовет педераста-олигофрена Алексеева. Ее юмор черпает ежедневные силы из этого источника: "Ну что, самцы, привести вам жену, одну на всех: Настю?" - "Что, Настя, жениха нужно? Сейчас Гусева позову". - "Что жена не пишет? Не унывай, а Настя на что?" и т.п./

Большую часть дня Пискунова заходится криком. Она срывает злость на всех: на больных, на санитаров, на сестрах. Ее неукротимая агрессивность просто поражает. Считая себя самой обязательной, самой компетентной, самой бдительной - она считала больных преступниками, способными каждую минуту "сделать гадость", санитаров - остолопами и дебилами, сестер - несерьезными и легкомысленными, равнодушными и несознательными, которым "лишь бы день до вечера" пробыть кое-как.

В отношении сестер она была права. Они лишь по хорошему настроению проявляли полицейские качества, - обычно же сидели в процедурке, болтая или читая слезливые потрепанные заграничные романы. Они плакали и умилялись судьбами обманутых девиц и несчастных любовников. А в это время кричали избиваемые и наивно искали защиты у сестер. Неохотно вставали сестры милосердия из-за стола, с опухшими от слез лицами, плотно закрывали двери, иногда лишь упрекая санитаров и надзирателей.

- Вы дадите спокойно почитать?

Людмила Пискунова обычно выжидала необходимое время и лишь когда чувствовала, что ей опять придется вызывать хирурга или регистрировать *exitus letalis*, выбегала из своего укрытия, тихо приговаривая:

- Мальцы, тащите его в палату. Хватит. Будет знать...

Пискунова очень тяготилась тем, что она осталась на должности "дуры, которой за всех

+ Надо отметить, что санитаров набирали из уголовников, признанных невменяемыми, зачастую убийц и др. тяжких преступников.

++ Смертельный исход /лат./.

приходится пахать". И тем не менее она "пахала" - до болей в голове в одинокой постели. Почему одинокой? Да потому, что муж не вынес ее и застрелился, оставив ей малолетнюю дочь, которую она вырастила одна. И только когда дочь уехала учиться, она решилась снова выйти замуж. Но жених зло пошутил над ней, в день свадьбы внезапно ее оставив. Сердобольные подружки Людмилы Пискуновой ввели жениха в курс дела: она психопатка и садистка, мерзкая тюремщица, доведшая до самоубийства своего мужа.

"Хватит, мальцы!.."

Но и в большом своем горе Пискунова была "милосердна", она не позволяла санитарам убивать больных.

- Хватит, мальцы! - произносила она единственную дозволенную милосердную формулу и спасала несчастных от смерти.

Но не всегда. Когда убили молодого москвича Алехина, она не слышала зова. "Дитя не плачет, мать не понимает", - прокомментировала она этот случай. Не спасала она и старого белоруса Михневича, которого убили по ее совету мешочком, набитым песком. Она могла бы "спасти" его, помешала самая малость "девки задержали в аптеке". Не спасла она и молодого украинца, еще почти ребенка, Дехнича. Встретив его из больницы, куда его возили для удаления аппендикса под конвоем солдат-автоматчиков из ... психбольницы, Пискунова передала по смене: "Чтоб больше я его не видела!"

Приказ был исполнен. Ее подружка Рита Деева, дежурившая в ту ночь передала приказ Пискуновой так:

- Мальцы, этот бендера⁺ мне надоел, если вы его не успокоите, я не знаю, что с вами сделаю.

И мальцы попрыгали на связанном "бендере". Разошлись швы - таков был патодиагноз. Но врач патологоанатом, вскрыв труп, обнаружил многочисленные разрывы тканей не только в области оперированной брюшины, но и в груди. Швы действительно разошлись, но почему сломано шесть ребер?

Пискунова наутро говорила санитарам:

- Ой, мальцы, вы меня в гроб вгоните: нельзя и шага сделать из больницы.

Алиби? Увы - она его никогда не искала. Ни один человек не испорчен и не пал настолько, чтобы не ощущать пусть самого слабого писка совести. Отсюда оправдания.

Маргарита Деева была ближайшей помощницей Пискуновой. Она замещала старшую, когда та болела или была в отпуске. Необыкновенно жестокая и как все садисты сентиментальная, она любила развлекаться: выйдет в тюремный коридор, пройдет по волчкам и высмотрит жертву. Велит вывести в коридор, а потом приказывает "мальцам":

- Сводите-ка, мальцы, его на дальняк⁺⁺. Из уборной несутся крики, а Рита в волчок смотрит, смотрит. Да и сожмется в жалости ее сердце:

- Хватит, мальцы, а то и вправду убьете!

+ Так называют советизированные граждане украинских националистов.

++ Уборная /блатн.жарг./.

И если "мальцы" продолжают, то врывается в уборную:

- Хватит! Хватит! - и сама смело расталкивает санитаров, вошедших в раж, тяжело дышащих, потных от "работы". Велит смыть кровь и милосердно сменит порванные кальсоны и рубаху.

Так она довела до самоубийства даргинца Хидирова. Повесился. Уж очень она не любила "чурок"⁺. Ненавидела она и верующих, и москвичей, и интеллигентов. Покалечила она многих больных. Лапунову - руку сломали, "Насте" - челюсть, Гусеву - два ребра.

Была у них и еще подружка - Варвара Карповна Афанасьева, или просто - Карповна. 20 лет проработала Карповна надзирательницей в Смоленской тюрьме. Наслышана была про Сычёвку, где и платят хорошо, и где отпуск 2 месяца. Подалась туда. Сначала обыскивала да посылки проверяла, а потом и медсестрой стала. Голосок слащавый, высокий, как у Буратино, а хватка - мертвая. Бдительная до карикатуры, она ненавидела всех, хотя и звала больных по имени, иногда даже ласково. Побьют связанного по рукам и по ногам Лапунова, она прибежит:

- Мишенька, что ты стонешь?.. Да кто ж тебя побил?.. Это тебе приснилось... Может тебе аминазинчику?.. Поспишь, мальчик!

Другие сестры обычно сами не организовывали избиений, но и не препятствовали рукоприкладству, порою все же выходя в коридор с лицемерной фразой, произносившейся нехотя:

- Хватит, мальцы...

+ "Чурками" - называют в СССР азиатов.

Масло: "Через дальняк!"

И Рита, и Карповна и все другие сестры рвались утром в столовую делить масло. Принесли его с кухни килограммовым куском вместе с сахаром и баландой. Дежурная сестра каждое утро сразу отрезала треть куска и откладывала в холодильник, затем граммов по пятьдесят отделяла санитарам – остальное ухитрялась разделить на 70–90 кусков больным. Получали вместо положенных 25 граммов по 6–8.

Обычно двое больных помогали раздавать пищу и мыли посуду. Одним из них был Геннадий Ефремов, инженер из Пензы, которого "посадила" жена явно по стовору с КГБ. Ефремов слушал заграничное радио на русском языке и делился информацией с сотрудниками. Жена, которая ему изменяла, использовала размолвку для развода, а чтоб завладеть имуществом – объявила мужа сумасшедшим, помешавшимся на "Голосе Америки" и опасным для общества. Милиция быстро оформила дело, но "по причине отсутствия состава преступления" передала свою жертву психиатрам.

Ефремов терпел кражу масла более месяца, но, поверив разглагольствованию подвыпившего оперуполномоченного Эдуарда Тилк о его ненависти к любым нарушениям закона, однажды вечером рассказал ему об обычае сестер. С актерским пафосом Тилк возмущился и обещал принять меры. И принял. Вечером того же дня он возмущенно выговаривал Зеленееву:

– Альберт, как ты допустил такую сволочь работать в столовой! Ты должен его немедленно убрать. Он говорил мне о Моисеенковой.

Зеленеев вызвал медсестру Моисеенкову и строго предупредил ее, что если от больного Ефремова поступит еще хоть одна жалоба на кражу масла, то придется ей объявить выговор.

Лицемерная Тамара Моисеенкова сказала, что это ложь, "подумаешь: все берем по кусочку, мы же работаем!"

Зеленеев пошел смотреть одну из серий о Штирлице и был спокоен: завтра ему не будет докучать какой-то Ефремов.

Вечером Тамара накричала на Ефремова:

- Ты же, мерзавец, клеветешь!

Наивный Ефремов стал ей объяснять то, что она знала лучше него: кто и сколько берет.

- Нет, мальцы, я не могу с ним больше говорить, уведите его, разденьте, и в палату, - врач распорядился от работы его отстранить.

Но старшему санитару Моисеенкова прошептала: "через дальняк" "и... пока я не приду".

Ефремова повели в раздевалку. Он спрашивал у ребят: почему его отстраняют от работы. Никто не знал. Старший отозвал мальцев и сказал: "Надо подмолодить!"⁺ Вслед за этим один из них внезапно упал под ноги оставшемуся уже в одном нижнем белье Ефремову, тот не удержался и тоже упал.

- Ребята! - завопил санитар-провокактор: Чего вы смотрите?

И Ефремова начали бить ногами, приговаривая: "Ишь, ты, козел, на санитаров бросаешься". Его били минут пять, били кулаками, сапогами, били по лицу и по животу, норовили сапогами бить по бокам. Ефремов все понял и молчал. Вскоре он потерял сознание. Его облили из тазика грязной водой от мытья полов. Прибежала Тамара - и снова лицемерие:

+ Здесь "избить" /блатн.жарг./.

- Ой, мальцы, что с ним? Плохо? Несите его в палату...

Вызвав дежурного врача, Моисеенкова доложила так:

- Он у нас в столовой, что-то почувствовал себя плохо. Я ему сказала: разденься и иди в палату. Стал раздеваться - потерял сознание, а потом - припадок агрессии. Санитары еле справились.

Врач-коммунист Николай Смирнов велел успокоить больного 6-ю кубиками сульфазина. Но Тамара шепнула ему, что больной спокоен сейчас, но без сознания. "Тогда аминазин, тоже шесть!"

Приказ был выполнен. Но после инъекции у больного появились признаки цианоза. Не на шутку уже встревоженная, Моисеенкова помчалась за кислородом и вызвала терапевта из районной больницы.

- Кто его так отделал? - осмотрев Ефремова, спросил врач: у него многочисленные переломы, синяки, кровоизлияния.

- Упал в туалете, - был ответ.

Вольный врач сообщил прокурору об избииении больного, повлекшем за собой тяжкие телесные повреждения. Дня через два следователь местной прокуратуры допросил Моисеенкову, врача и санитаров, которые были сразу же посажены в карцер.

Смысл показания допрошенных:

Врач - подтвердил свои наблюдения.

Моисеенкова: была в своем кабинете, когда вышла из сестринской, больной был сознания,

помогала нести его в палату и вызвала врача.

Санитары: сестра велела проучить Ефремова, его всего раза два стукнули.

Начальник лагеря подписал постановление о шестимесячном содержании в карцере провинившихся санитаров.

Начальник больницы распорядился образовать комиссию по расследованию, из врачей. Председатель этой комиссии врач Юзеф Буть, однако, пришел к выводу, что раны, ушибы, перелом трех ребер, травматический нефрит - результат падения больного Ефремова на цементный пол в туалете. Падение произошло якобы вследствие острого психомоторного возбуждения. Тем временем следователь нажал на изолированных санитаров, и они отказались от первоначальных показаний. Дело было закрыто.

Ефремов провалялся, прикованный к постели, более трех месяцев. По приказу Зеленева его усиленно "лечили" аминазином, чтоб не вздумал пожаловаться. На очередной комиссии профессор Елизавета Холодковская спросила Ефремова:

- Ну, вы что-нибудь поняли теперь?

- Да, - ответил Ефремов.

Этот ответ понравился профессору. Она сразу же выписала больного.

Так гладко окончилась эта история. Непонятно только, почему трое санитаров просидели в карцере по 6 месяцев, а Моисеенкова получила выговор - за что? Она даже была переведена в другое отделение - за что? И были у нее дни волнения, когда ее запугивал начальник, а она плакала... Почему? И еще она каждый раз вспыхивала и отводила взгляд, когда я смотрел ей прямо в глаза... Почему? А позже

уголовники во время бунта двоим из трех негодяев, изувечивших Ефремова, сломали позвоночники, бросив их о цементный пол; один из негодяев умер... За что? *За что?*

Ведь прокурор по надзору за местами лишения свободы /в ГУЛаге никто не обманывается насчет того, что Сычëвская спецбольница - "место лишения свободы"/ Бадейкин не обнаружил нарушения социалистической законности!

"Коммунист" и коммунисты

Социалистическую законность не следует никогда смешивать с просто законностью. Законность предполагает точное соблюдение кодекса законов в каком-либо государстве. Но только не в социалистическом. Потому что там не просто "законность", там - "социалистическая законность". И это уже хорошо проиллюстрировано многими. Но еще одна пустая консервная банка не испортит впечатления о свалке!

Жил-был на свете, а точнее в Белоруссии, Миша Лапунов. Мать его - белорусская партизанка. Воспитан он был в духе ненависти к врагам и пошел служить в НКВД. Это случилось в 1945-ом. Непокорные латыши и литовцы, спасаясь от братьев, "освободивших" их от независимости, уходили в леса. Миша Лапунов с именем Сталина на устах шел по литовским лесам с карательными отрядами, прочесывая местность. Многих он расстрелял. Особенно он ненавидел священников. Ему внушали, что католичество - оплот контрреволюции, и Миша уничтожал старых ксендзов и монахов, помещиков и хозяев. Но близ Лепай в Латвии он попал в плен к латышам. И как их там ни рисуют головорезами - отпустили они Мишу, ибо он был ранен и истекал кровью. Лапунов "отблагодарил" благородных "бандитов": поправившись, он привел в эту местность чекистов и они

уничтожили всех. "Бандиты" могли бы сказать чекистам, что Миша Лапунов на допросе в свое время дал им подробные сведения о чекистах. Но они были слишком буржуазны, чтобы доносить

Латыши, оплакивающие и сейчас, кто в Латвии, кто в Сибири, кто за границей своих родственников, убитых близ Липаи стараниями Миши Лапунова не ведают, что убитые счастливее живого.

Ибо "живой" Михаил Лапунов уже семнадцать лет гниет заживо в Сычѳевке. После подавления национально-освободительного движения в Латвии лейтенант МГБ Лапунов как инвалид был уволен в запас. Огромные шрамы обезобразили его лицо, а одежда скрывала ужасные рубцы на теле. Он жил в Белоруссии, получал пенсию, как коммунист воспитывал молодежь и совал свой нос всюду, где по его мнению отходили от завоеваний революции. Его сосед по дому майор-артиллерист явно не любил НКВД и после февральской речи Хрущева открыто выражал презрение "недобитым бериевцам".

За бутылкой пива два инвалида спорили до ожесточения кто действительно воевал. "Я, - говорил майор, - воевал с врагами, а ты - с народом." - "Я выполнял волю партии, волю Сталина", - отвечал Лапунов. Майор стгоряча выплюнул в лицо чекисту: "Твой Сталин - бандит, фашистский убийца..." Миша не дал ему договорить, бутылкой из-под пива он прекратил спор. Для майора - навсегда.

Лапунов был арестован, но просталински настроенные чекисты поспешили облегчить его судьбу и объявили психбольным. Он был отправлен в вольную больницу, имел амурные отношения с главной врачихой.

Но санитары больницы, опьяненные антисталинским ажиотажем, прозвали его "коммунистом"

и это прозвище звучало в их устах оскорблением бериевца. Во время одного из споров о Сталине Лапунов топором убил одного санитаря и покалечил другого. Его отправили в спецбольницу.

Он поступил в Сычëвку как "коммунист". Наблюдая чудовищные расправы над больными, он негодовал и каждый раз сам после избиений бывал на грани жизни и смерти. По году и больше его держали привязанным к койке. И за каждое его восклицание: "Да здравствует коммунизм!" или "Да здравствует советская власть!" его били санитары смертным боем. В мае 1972 года его тело было черным от побоев. В сентябре 1974 ему сломали руку, в 1975 выбили шесть зубов и сломали челюсть. Лапунов стал и впрямь сумасшедшим от лекарств и от побоев. Еще десять лет назад после повреждения позвоночника у него начались припадки. Несмотря на это санитары избивали его ежедневно, но при первой же возможности, Миша наносил ответные удары санитарам. Они его и боялись и ненавидели. И били его - только связанным. Сычëвские тюремщики при посещении Лапунова выражали ему лицемерное сочувствие. Лейтенант Тилк неоднократно освобождал его от привязи и отменял лечение. Но после его ухода Лапунова снова "отоваривали"⁺.

И вновь и вновь Лапунов хриплым басом орал: "Фашисты!" или "Я - коммунист!"

"Если бы все коммунисты были такими несгибаемыми - думал я, - то Сталин был бы расстрелян еще до 37-го года."

Лапунов свято верил, что коммунизм победит. Он не верил Сталину и не был в восторге от его политических авантюр. Но он ценил его как продолжателя дела Ленина и как вдохнови-

---

+ Избивали /блатн.жарг./.

теля народа в сопротивлении вермахту.

Сычѳвские коммунисты, приходившие поболтать со связанным "коммунистом" млели от лапуновского благоговения перед Сталиным и его методами борьбы за чистоту Идеи. Но их до слез смешила наивная вера Лапунова в справедливость советской власти и в саму эту власть. Они частенько устраивали жалкие представления, подстрекая санитаров ударить Лапунова, чтобы тот заорал такое смешное для них: "Да здравствует советская власть!" Для начальника больницы Лямеца, врача Смирнова, оперативников МВД и КГБ - коммунистов - не было лучшей забавы, чем слышать эти истошные крики. Особенно эту потеху любил начальник Сычѳвской спецбольницы майор Леонид Лямец: потный и покрасневшийся от возбуждения он смеялся до слез...

Дело майора Лямеца

Как и Миша Лапунов майор Леонид Лямец происходил из Белоруссии. Более 10-ти лет он возглавлял тюремную больницу в Сычѳвке. Он пришел в нее как работник МООП, но спустя 2 года закончил курсы и надел белый халат врача. Он сразу же возглавил старое 4-е отделение, расположенное в двухэтажном здании Сычѳвской тюрьмы, во время немецкой оккупации служившее тюрьмой Гестапо. Старшей сестрой у него работала знакомая нам Людмила Пискунова. Они одно время сотрудничали легко "как голубок и горлица", но супруга Леонида Нина Лямец разбила их дружбу. Лямец, однако, не оставил свою любовницу на произвол судьбы и вскоре сделал ее старшей сестрой всей больницы, а сам тем временем стал шефом психиатрической секции Сычѳвского концлагеря.

В 1972 году он был одним из первых, посетивших меня после помещения меня в "больницу".

Передо мною сидел полный розовощекий, начинающий лысеть рослый майор с лукавым выражением лица. Один глаз его косил, от этого он и выглядел добрым и лукавым. Медоточивым голосом он справился о моем здоровье, а потом, многозначительно постучав по двухтомному моему личному делу, заметил:

- Конечно, ты не так болен, как другие, но должен тебя предупредить по-дружески /при этом он подмигнул мне некосым глазом/, ты не выйдешь отсюда до тех пор, пока не откажешься от своих взглядов и особенно от веры в Бога.

Я возразил ему, что в больнице должны интересоваться не взглядами, а симптомами. На это он довольно откровенно ответил:

- Может быть в Америке это так, но ты живешь в "сэсэсэрé" и должен знать, что в "сэсэсэрé" тот, кто ссыт против ветра - сумасшедший. Может быть и я так думаю, как ты... Но если я буду болтать, то и меня положат рядом с тобой. Дошло? /И опять подмигнул./

После моих не совсем остроумных комментариев на этот счет, Лямец сказал, что здесь мне не будет скучно, ибо таких "больных" /он сказал это слово нарочито издевательски и снова подмигнул/ здесь много.

Он особо меня предупредил:

- Будешь возникать⁺ - будем лечить. У нас в распоряжении все - от аминазина до кулазина.

Леонид Лямец был большим специалистом по "кулазину". Однако он считал себя добрейшим человеком и простирали свою "отеческую заботу" на

+ Выступать против /блатн. жарг./.

всех больных без исключения. Он был убежден, что пациенты спецбольницы не должны забывать, что они преступники, которым положена смерть или длительное заключение, но по гуманным соображениям их держат в больнице. Лямец постоянно об этом напоминал своими периодически повторяющимися "банями". Так он называл облавы на отделения, когда под его руководством надзиратели и солдаты били всех подряд. А потом всех подряд лечили. Лямец шутил: "А то, мерзавцы, говорят, что здоровые".

Последнюю "баню" Лямец провел как профилактическое мероприятие. /В Советском Союзе почти всё - мероприятие: культпоход в театр - мероприятие, смертная казнь - мероприятие, выставка художников /а тем более "бульдозерная"/ - мероприятие, избиение - мероприятие./ Поводом к "мероприятию" Лямца во II отделении Сычёвской психтюрьмы послужил сигнал оперуполномоченного лейтенанта МВД Геннадия Леоновича, что во II отделении заключенные /именно так называют "больных"/ готовятся к побегу. Лямец немедленно ворвался в отделение во главе "гладиаторов"⁺ и учинил допрос с избиением около 60-ти больных. Лямец лично избивал лежащих и привязанных к кроватям людей ногами, обутыми в подкованные железными подковками сапоги. Результат этого "мероприятия": 6 - лежали с отбитыми почками, 4 - харкали кровью, 3 - умерло. /Среди умерших - талантливый ярославльский художник Виктор Косилов, 31 года./

Лямец знал психологию русского народа и потому любил показать себя истинным хозяином: карающим и милующим. Открытого подхалимажа он не любил, но покорных и безразличных к страданиям других он "миловал", т.е. заступался за них, ходатайствовал перед выписны-

---

⁺ Так заключенные называют оперативные группы эмвэдэшников.

ми комиссиями, облегчал им условия содержания. Многие уголовники любили Леонида Ивановича, говоря о нем: "Хороший человек".

Шеф ждал очередного повышения по службе, когда внезапно разразился гром. Это произошло летом 1974 года. Группа врачей, особенно не любившая Лямеца, в своей жалобе /разумеется, анонимной/ поставила в известность ЦК КПСС о том, что коммунист Лямец - тупой, самолюбивый и малообразованный человек - организует убийства и избиения больных, расхищает имущество больницы, ворует продукты, насилует женщин - родственниц больных, организует оргии, устроил свою жену заведующей отделением, а она приходит в больницу лишь для получения денег, оформил себя невропатологом-консультантом, но никогда никого не консультирует и т.д., и т.п.

Протолкнуть эту жалобу помог один из выписавшихся больных, москвич Юрий Ротштейн, который за 3 года заключения в Сычёвке насмотрелся всего. И партократы все же возмутились. Бюро Сычёвского райкома КПСС исключило Лямеца из партии, а прокурор Сычёвского района подписал постановление о возбуждении против Лямеца уголовного дела. Прокурор, правда, убийства и прочие "мелочи" не счел преступлением: Лямец обвинялся в государственном хищении в особо крупных размерах. Возможный иск против Лямеца был бы не менее 30.000 рублей. За 12 лет он перепродал сотни коек, столов, стульев, белья, простыней, вагоны крупы и мяса, молока и масла. Он перепродал сотни медицинских шкафов и аппаратов, сотни тысяч упаковок медикаментов, шприцов, бинтов и проч. Кроме того, он открыл подпольное производство сувениров в столярном цехе больницы. За сувенирные приборы, кружки, шахматы, инкрустации он платил больным не более 10 рублей в месяц. Швейный цех больницы также процентов на 50 работал на

Лямеца. За эти деньги Лямец построил себе виллу, отправлял жену в заграничные поездки, подкупал фининспекторов и ОБХСС.

Но Леонид Лямец делал дело не один. Его дружки в управлении МВД в Смоленске быстро замяли дело, а пока он совершал челночные рейсы между Смоленском и Сычëвкой его недруги были разоблачены как клеветники. Один из них, врач Анатолий Барабанов, был уволен как "несправляющийся с работой", а Ольга Макарова - "за разврат". Одновременно Лямец донес на этих лиц, как на антисоветчиков. Сам же он предусмотрительно сдал дела майору Василию Ермакову и уехал с женой в Смоленск, где ожидал восстановления в партии.

И дождался. Недостачи и хищения были заматы. Под суд отдали нескольких сестер-хозяек больницы и начальника ЧИС /интендантской службы/. 30.000 убытка списали. А супруги Нина и Леонид Лямецы, после прекращения уголовного дела, благополучно устроились в Смоленске. Леонид - начальником концлагеря для принудления алкоголиков, а Нина - заведующей отделением в Смоленской спецпсихбольнице МВД.

Новый начальник Сычëвского спеца Василий Ермаков сердечно поздравил Лямеца через полгода с повышением в звании.

"Тачки Ермакова"

50-летний худощавый, маленького роста, страдающий язвой желудка, новый начальник - Василий Ермаков - до возвышения его на эту должность работал начальником санчасти в другой половине Сычëвского концлагеря. Заключение называли его просто "лепилой"⁺, и не уважали его как за полное невежество в ме-

---

+ Врач /блатн. жарг./.

дицине, так и за подозрительность, благодаря которой в каждом заболевшем он видел "симулянта".

Ермаков числился универсальным врачом, как это обычно бывает в концлагерях. Но он имел и опыт психиатра, так как на полставки работал и в спецбольнице. Больные его любили, так как Ермаков появлялся в отделении редко и "лечил" лишь тех, кто нарушал режим. "Лечение" за нарушение режима считается в Сычѳевке обычным делом. Стоит больному провиниться /курение в палате, нелегальная связь с больными другого отделения, сон в неположенное время, обнаружение карандаша, бумаги или неположенной книги, любое слово, не понравившееся санитару или врачу и т.д./ как его тут же начинают "лечить". Врачи обычно записывают в истории болезни: "изменилось состояние". Лечат, как правило, длительным курсом уколов аминазина, галоперидола, прописывают трифтазин или модит-депо.

Ранее Ермаков одевался кое-как, ходил в рыжеватом драном пальто и его можно было принять за водопроводчика. После "воцарения" он стал одеваться прилично и ходить, выпятив грудь.

Через неделю он вызвал меня, как наиболее известного в Сычѳевке диссидента, чтобы познакомиться. Говорил он со мной ласково и учтиво, познакомил меня с новостями, среди которых особо отметил упоминание моего имени в большом интервью Солженицына, в книге Сахарова "О стране и мире". Осуждая своего предшественника, как тесно связанного с КГБ, он категорически заявил: "Они не имеют никакого права вмешиваться в наши *лечебные* дела, я не пушу их на порог". Долго и нудно Ермаков доказывал мне, что он - честный коммунист и якобы ненавидит приспособленцев. Мы разговорились о Лямеце и об истории больницы.

- Я понимаю, - говорил Ермаков, - что это карикатура на больницу, а Лямец - карикатура на врача. - И продолжал: - Мы не свободны в своих решениях, на нас оказывают нажим и МВД и КГБ. Я лично считаю, что большинству из вас место в тюрьмах.

Майор Ермаков рассмеялся, когда я напомнил ему об аванюре Лямца с водопроводом в больнице. 10.000 рублей, отпущенных на водопровод, были "ввиду отсутствия рабочей силы" использованы на "улучшение быта больных". Ермаков сказал:

- Что десять тысяч! Сычѳвский райисполком выделил пятьсот тысяч на сооружение водопровода и канализации в Сычѳвке. Эти полмиллиона исчезли бесследно. И никому нет дела. Попробовал бы я присвоить себе 5 тысяч - меня бы расстреляли, им же можно присвоить и полмиллиона.

Мечтательно майор нарисовал мне картину запланированных им преобразований в больнице: "Мы построим несколько новых корпусов, разгрузим отделения, улучшим питание, обеспечим досуг больным, установим в отделениях цветные телевизоры, постараемся заменить санитаров-заклученных вольнонаемными санитарамии..." и проч.

Но на деле Ермаков прославился лишь одним нововведением, о котором с гордостью говорил, что оно укрепило порядок и облегчило участь больных. До Ермакова в течение 17-ти лет воду из колонки больные носили на себе - в ведрах, флягах и бачках. Так же носили они на себе баланду в снег и дождь, в распутицу и в гололед. Ермаков распорядился сделать простые тележки /колесные и санные, по сезону/, на которых рабочие кухни и санитары стали развозить по отделениям пищу и воду. Я прозвал эти тележки "тачками Ермакова".

Похоже, ему понравилось мое название - он был рад даже такой убогой славе.

Но и другую славу стяжал себе Василий Ермаков. В конце лета он был взволнован попыткой побега трех молодых людей из отделения, в котором он продолжал работать на полставки. Ермаков прибежал в зону, когда уже все было окончено.

Примерно в половине одиннадцатого вечера трое заключенных 9-го отделения, заперев санитаров и сестру в сестринской, одевшись в робу заключенных вышли из отделения на улицу и решили на рывок преодолеть забор. Однако солдат-охранник стал стрелять вверх, крича беглецам, чтоб они шли назад. Выбежавший врач-коммунист Смирнов заорал солдату: "Куда целишь осел? Стреляй, а то уйдут!". И солдат стал стрелять по беглецам. Очередь сразила на смерть Анатолия Левитина, молодого студента из Москвы, присланного в Сычёвку на временное лечение по распоряжению следователя. /Левитин обвинялся в оказании сопротивления работникам милиции при обыске в его доме по политическим мотивам./ Другой молодой человек был ранен в ногу близ забора и сразу же водворен обратно. Третьему удалось бежать, но его поймали и при возвращении избили так, что более трех месяцев он был на грани смерти.

На следующий день утром Ермаков на три дня объявил в спецбольнице осадное положение. Никого из больных не выпускали из барачков, охрана была усилена, сестры жестоко карали больных за малейшееслушание.

В разговоре со мной, через неделю после отмены осадного положения, майор Ермаков категорически отверг какую-либо юридическую ответственность спецбольницы за убийство душевнобольного.

- Что вы намерены сделать для предотвращения таких актов варварства? - спросил я.

- Выдадим солдатам еще по одной обойме, - ответил Ермаков.

Я еще много раз встречался с майором Ермаковым. Свои реформы он отложил на неопределенное будущее. После того, как он лично вынес благодарность солдату, убившему Левитина, он распорядился опутать бараки колючей проволокой, понастроил решетчатые заборы, установил телекамеры в коридорах барачных, уничтожил все насаждения вокруг барачных в прогулочных двориках, ввел строгий обыск санитарам-заключенным при входе и выходе на территорию больницы, и почти регулярно заменял и без того ничтожное количество мяса в пище гнилой соленой рыбой...

"Тачки Ермакова" наглядно свидетельствуют о той здоровой идейно-устойчивой силе, которой жива большевистская система. Здесь и конструктивность, и позитивность, и утилитарность. Кто скажет после этого, что злодеи абсолютны! Отнюдь нет: они могут не только убивать единицы или миллионы единиц, они могут быть мечтателями - и не только в масштабах Сычёвки, но в масштабах светлого будущего для всего человечества. Они могут быть и созидательными - от "тачек Ермакова" до космических кораблей.

"Покатили!"

Это слово невозможно не запомнить. Оно звучит в тюремных отделениях Сычёвского спеца ежедневно: утром, днем, вечером и ночью. Это ГУЛаговский эквивалент печально-известной немецкой команды: "Los, Los!"⁺. Грамматичес-

---

⁺ Давай, давай!

ки выражение "покатили" эвфемизм слова "пошли", но в зависимости от ситуации может означать: "выходите", "быстрее", "собирайтесь", "уходите", "начали" и т.п.

Ермаков говорил мне, что его бесит блатной жаргон и особенно это "покатили", но в конце 1976 года я сам видел, как он, беря под ручку лейтенанта КГБ Серова, сказал ему: "Покатили!" и они пошли вместе наводить порядок в отделении.

Когда повернулся в дверном замке ключ и с грохотом отодвинулся засов, клич "покатили!" неизбежен - идет ли речь об оправке или о курении, о вызове к врачу или об обеде. Для многих действительно больных или ставших больными этот возглас означает, что нужно сжаться, втянуть голову в плечи и приготовиться к тычкам, подзатыльникам, ударам в грудь, по почкам и по голове. Это - неизбежная забава санитаров. Сестры обычно выходят в коридор и поощряют санитаров указаниями вроде: "Гони его!" "Санитар, дай ему хорошенько, а то идет, как неживой".

Особенно такие забавы любила медсестра Валентина Цветкова. И не она одна. Почти все сестры любили наблюдать так называемую "оправку" или выведение узников в туалет, так как в камерах, где они проводят весь день, нет параш. В уборную разрешено выпускать больных только пять раз в день. Наиболее "сознательных" могут, конечно, выпустить по их просьбе в любое время. Но это - избранные лица. Если они даже на плохом счету у врача или сестер, то, имея хорошие отношения с санитарями, они безболезненно решают этот вопрос. Но не такова участь большинства больных: им приходится ежедневно подвергаться осуществлению мероприятий администрацией спеца. Только пять раз в сутки во время, определенное не каким-то "расписанием", а

"возможностью" сестер, проводится оправка! /Санитары отказывают больным, ссылаясь на запреты сестер, сестры ссылаются на режим. Лямец и Ермаков отрицают наличие режима оправки, они говорят, что это /опять же!/"мероприятие" проводится, сообразуясь с возможностью сестер./

Больных выпускают по 3-5 человек - не больше: таково требование режима! Ради забавы больных толкают или бьют; они орут, ругаются или плачут. Сестра хохочет. И все это происходит на фоне непрерывно повторяемого: "покатили!"

Каждый раз представление это повторяется, но оно не утомляет сестер и санитаров, так как они сменяются. Не сменяются лишь больные. Правда, жертвы каждый раз другие, исключая разве "Настю" или Мишу Лапунова.

Наиболее жутка оправка находящихся в поднадзорке. Их выводят в туалет под конвоем по одному. На них нет даже халатов - лишь нижнее белье: рваное, грязное и в крови. Их буквально выбрасывают из поднадзорки, а на обратном пути выталкивают из уборной, по коридору же заставляют бежать. Где-нибудь в середине коридора санитары подставляют больному ножку, он падает. Его начинают пинать ногами и бить, обвиняя в том, что он задерживает оправку.

Я долго не мог понять, в чем причина таких бессмысленных жестокостей. Понятно, что большинство уголовников-санитаров невежественны и морально опустошены. Но они ведь совсем молодые люди, большинству из них нет и 25-ти лет. Где их сердце, где жалость, где элементарное чувство порядочности? Неужели школа, родители, друзья не привили им ничего человеческого? Я говорил со многими из них, но лишь угроза силой действовала. И начинаешь

понимать, что власть, чей основной принцип — насилие и беззаконие, может породить только жестокость и бесчестие. Это имеет и свою оборотную сторону: трусость и ложь. Дети режима, основанного на лжи, они даже и не "уходили из человечества". Их туда и не вводили. У них нет понятия ни о Любви, ни о Ненависти.

- Почему ты бил Ефремова? — спросил я у санитаря Николая Громова, уроженца Гжатска, лет 22-х, осужденного за воровство.

- А просто так. Скука!

"Скуки ради!" — этот зловещий симптом вырождения личности, замеченный еще Чеховым, теперь поразила большую часть нашего общества. Денно и ночью восхваляемые комсомольцы, рассматриваемые властью исключительно как средство для достижения своих политических, военных, полицейских и хозяйственных целей, не имеют понятия о достоинстве человека, а потому в их сознании личность не представляет никакой ценности. Только этим можно объяснить такие безобразные и отвратительные сцены.

Но остановлюсь еще на одной. Уже знакомая нам Карповна разливает по мискам похлебку, три санитаря болтаются по коридору. Из камеры напротив раздается стук и жалкие взвизгивания больного почками Валентина Репина, инженера из Черемхова: "Ой, не могу, пустите в туалет!" Мучимый ужасными приступообразными позывами он держится за живот и мечется в нише перед дверью. Ему отвечают, что сейчас завтрак, а оправка была, но он, в страхе обмочиться в камере, продолжает деликатно стучать. Карповна не меняясь в лице и тихим голосом, приказывает санитару успокоить больного. Санитар открывает дверь и с силой бьет Репина в живот. Тот отлетает под койки, ударяясь о железные ножки. Его лицо и руки

в крови, сам он - в луже мочи. Карповна подходит к волчку и видит это безобразие:

- Тупицы, куда вы смотрите, - орет она санитарам, - этот Репин скоро вас утопит вссаках! Приведите-ка его в порядок!

Валю Репина заставляют халатом подтереть лужу и волокут в туалет, где бьют за то, что он обмочился. На кулаках выносят из уборной и заталкивают в камеру.

Карповна вздыхает: "Ведь вот наглец!"

И это изо дня в день. Любимая шутка Цветковой не выпускать в туалет, пока не наложит в штаны, а потом заставлять санитаров бить больного и бить его, "чтоб знал, как гадить".

Из-за пачки сигарет

В фильме Эйзенштейна о восстании на броненосце "Потемкин" матросы кладут на грудь убитому товарищу плакат с надписью: "Из-за миски борща". Сотням искалеченных и убитых пациентов Сычëвского спеца следовало бы повесить/или положить/на грудь таблички: "Из-за закрутки махорки!" Я имею в виду ежедневные конфликты из-за ограничения курить. Курить разрешено узникам только три раза в день. Но могут и вообще не дать курить. За обнаружение у больного спичек, махорки или сигарет - сначала "кулазин", потом сульфазин.

Только один врач больницы, Виктор Царев, объяснил мне, хотя и цинично, но зато откровенно:

- Это прекрасный повод для лечения и профилактики. Нам вообще нечего было бы делать, если б не было конфликтов.

Срабатывает сталинская доктрина: мы должны создавать трудности, чтобы было что преодо-

левать. Ермаков мне прямо так и говорил, что "приходится преодолевать трудности, связанные с запретами режимного плана, но дела идут успешно". И еще как успешно! За последние 5 лет в Сычёвке убито 12 больных и более 50-ти получили всевозможные телесные повреждения - и это только в конфликтах из-за курева. Видимо "преодоление" надо принимать так, что убиты и ранены далеко не все.

Я хочу рассказать об одном таком не убитом. Его зовут Геннадий Михайлов, рабочий из Кашина, лет 45-ти. Его до-сычёвская история не менее возмутительна, чем та, о которой пойдет потом речь. После службы в армии Михайлов работал в совхозе, а затем в автохозяйстве, вступил в КПСС, был на хорошем счету. Но директор то и дело обманывал рабочих, незаслуженно лишал их премий и т.п. Михайлов всегда с принципиальностью отстаивал интересы рабочих, а когда встал вопрос об избрании директора депутатом, Михайлов выступил против. Его поддержали рабочие. Наивные! Они не понимали, что избрание депутата предрешено, а их потуги рассматривают наверху как бунт. КГБ быстро выявило зачинщика, но решило образумить мятежного коммуниста на заседании бюро райкома. Но и там Михайлов отстаивает свою точку зрения. Его немедленно исключают из партии "за отрыв от коллектива". Под "коллективом", видимо, подразумевают не тысячи кашинских рабочих, а их "передовой отряд", протирающий штаны в райкоме.

Директор увольняет Михайлова. Но на прощание рабочий высказал бюрократу все, что думал о нем и о его дружках в райкоме. Директор вызывает милицию. И обвинение в хулиганстве было "доказано" судом. Три года лагерей - такова цена сомнения в прочности блока партии с народом. В лагере Михайлов не прекратил борьбы: он писал в Москву о деятельности кашинского райкома, о несправедливости,

об узаконенных хищениях, о развороте райкомовцев.

КГБ попросило ГУЛаг о помощи. Тюремщики дождались повода. Михайлов вступился за какого-то заключенного и был брошен в карцер. А там, за толстыми бетонными стенами, его избили так, что у него лопнул череп. После операции Михайлов заболел эпилепсией. И когда ему оставалось лишь несколько месяцев до освобождения его "по гуманным соображениям" перевели в спецбольницу в Ленинград, где профессора освободили его от наказания и, признав больным психически, отправили в Сычёвку.

"Гуманность" врачей на комиссии, где присутствовал и следователь из КГБ, обошлась Михайлову в девять лет пребывания в психиатрической тюрьме.

Нет никакого сомнения, что дефект личности Михайлова все усиливался на фоне течения эпилепсии /из-за травмы черепа/ и вследствие непрерывных и чудовищных избиений в процессе "лечения".

Я застал Михайлова уже действительно больным и физически, и психически. Хронический и обостряющийся нефрит, после лечения здоровых почек "кулазином", сделал здорового прежде человека инвалидом II группы.

Михайлов продолжал выступать против несправедливостей, избиений и ограбления больных сестрами и санитарями. Дело в том, что Рита Деева, Валентина Цветкова, Карповна да и старшая сестра Пискунова с завистью и негодованием реагировали на получение больными посылок и передач с колбасой, маслом, тушенкой, которых и в помине не было в Сычёвке. Они без зазрения совести брали эти продукты из каптерки, в которой хранились продукты

больных. Да еще и милосердно делились трофеями с санитарями, вознаграждая их за усердие.

- Ой, девки! - экзальтированно-восхищенно вскрикивала Деева, обнаружив в посылке большого хорошего рыбу, копченое сало или салами. - Какая прелесть! - и огромными своими ручищами переламывала палку колбасы или тут же дегустировала осетрину. - Жирен будет осетра жрать, - говорила она о больном: - Я б им, сволочам, и хлеба не давала бы!

Не счесть конфликтов на этой почве; в результате их - и убитые, и раненые. Больные зачастую просто боялись "возникать" по этому поводу. Выводила же их из себя постоянно лишь кража курева. Больным, которым в течение трех дневных перекуров выдавали не более 3-х сигарет, не хватало 50-ти до 100 пачек сигарет в месяц. Технология кражи была очень проста. Утром старшая сестра обычно клала по пачке сигарет на день в специальную коробку, а дежурные сестры выдавали больным три раза в день, во время перекуров, лишь 1-2 сигареты. Остальные 14-18 сигарет отдавались санитарам.

- Ишь, какие эгоисты! Санитарам тоже надо курить! - возмущалась Варвара Афанасьева наглостью больных, просящих оставить недокурные сигареты на завтра.

Но и этого было мало сестрам. Они похищали курево пачками и целыми блоками. Больному же вдруг объявляли, что курево кончилось. В июле 1975 г. Михайлову, который за день до этого получил бандероль с 20-тью пачками сигарет, объявили во время перекура, что у него сигарет больше нет.

- Но у меня же было еще более 30-ти пачек сигарет. Я получил и две недели назад 50 пачек.

Сразу же появилась Пискунова:

- Ну и гад же ты! ну и сволочь! Не знаю что бы я с тобой сделала!

И схватив его за халат, сама втолкнула его в камеру, сказав санитарам:

- Если вы ему не заткнете рот, я его убью.

И ему заткнули рот так, что он мог только стонать и то после того, как пришел в сознание уже привязанный к койке.

- Ну что, накурился! - издевались санитары:
- Еще хочешь?

Врач терапевт усомнился в том, что больной выживет. Причину состояния больного Зеленева объяснил так:

- Больной возбудился и сильно побился об стены... и всего то из-за пачки сигарет!

"Сменилось состояние..."

Михайлов не отделался только переломом ребер и освобождением от четырех зубов и моста. В связи с "изменением состояния" ему провели курс сульфазина, а после этого три месяца кололи аминазином. А потом его пришлось лечить от сердечного расстройства и острого гепатита. Но это уже вторичные последствия перемены состояния.

Вообще врачи не знают, что делать с поступающими в большинстве случаев сохранными больными: они не проявляют никакой патосимптоматики. "Лечение" организуется поэтому по любому поводу. Стоит больному сказать сестре, что у него болит голова, сильный насморк или кашель, как его сразу же вызывает врач и назначает лечение. Журавкину назначи-

ли трифтазин, когда он пожаловался на простуду; Бороздину - аминазин, после того, как он сказал, что у него болит желудок; Ямашкину, пожаловавшемуся на боль в печени, - галоперидол.

Ночные сестры строго следят за сном больных, и не дай Бог кому-нибудь не заснуть /или не сделать вид, что спит/ - утром ему назначают инъекции аминазина.

Но самый надежный повод для назначения нейролептиков - так называемое "изменение состояния". Врач считает сменой состояния больного любые с точки зрения обычной психиатрии нормальные поведенческие моменты, но невозможные применительно к тюремной специфике спецбольницы и вообще к существующей идеологической системе в СССР, которая в свою очередь отражает тюремную специфику полицейского государства. Такими моментами могут быть отдельные нарушения тюремного режима, а в частности упорное нежелание пациента называть тюремщика врачом, тюремную камеру - палатой, а саму тюрьму - больницей. Или те или иные политические взгляды, симпатии или антипатии, религиозные убеждения, отказ смотреть по телевидению нелепые тенденциозные советские фильмы вроде: "Молодая гвардия", "Чапаев" или "Светлый путь".

Об "изменении состояния" больного может свидетельствовать масса самых невероятных для обычной /неполицейской/ логики признаков. Сычёвские врачи имеют инструкцию Института им. Сербского в Москве о том, что "бредовыми высказываниями следует считать высказывания, порочащие советский государственный и общественный строй или выражающие несвойственные марксистско-ленинской идеологии суждения" /Москва, Инструкция ЦНИИСП им. Сербского от 5 марта 1963 года/. Нетрудно понять, что такое указание не имеет ничего

общего с медициной, а составлено едва ли не рукой КГБ.

Как я уже сказал "лечение" мне было назначено заочно. "Исходя из данных определения суда" - объяснил мне главный врач Сычёвской психотюрьмы Игорь Кушаковский. Но в определении Владимирского облсуда от 30 марта 1972 года ничего не говорится о симптомах заболевания, а только о составе преступления. Это расценено как *симптоматика*. Принимая во внимание такую практику, тюремных психиатров не обвинишь в несоблюдении инструкции института им.Сербского, данной им, подчеркнем, ровно 10 лет после смерти Сталина.

3 месяца меня лечили аминазином. Последние 2 с половиной месяца лечение носило чисто формальный характер: 50 миллиграмм. Но стоило мне через 2 месяца написать адвокату Эрнесту Когану в Москву письмо, в котором я просил его взять на себя ведение моего дела, как сразу же снова назначили лечение: трижды в день инъекции аминазина, трифтазин и сульфазин. Зеленева, вызвавший меня, сказал то, что я ожидал услышать, а именно:

- У тебя изменилось состояние. - И пояснил:
- Провокационный смысл твоего обращения к Когану понятен. Только бредовый больной может выражать сомнение в справедливости нашей юридической системы. Но ты к тому же невменяем и никто твоих жалоб всерьез не примет. Ты - очень болен. Иди и лечись.

"Лечение" было отменено внезапно через две недели. Необходимо пояснить, что лечение нейрорептиками истинные врачи-психиатры проводят весьма осторожно, принимая во внимание их противопоказания и побочные явления. Прежде чем начать лечение, больного тщательно обследуют, так как низкое кровяное давление, воспалительные процессы в почках, же-

лудке, печени, легких, заболевания сердечно-сосудистой системы могут даже исключать возможность применения отдельных препаратов. При этом начинают и заканчивают курс лечения минимальными дозами, соответственно повышаемыми и понижаемыми. Большие дозы в начале курса приводят к перегрузкам, вызывающим потерю сознания, обмороки, кровотечения, нарушения диуреза, в отдельных случаях - сердечные припадки и даже смерть. Внезапное прекращение больших доз вызывает мучительную бессонницу, тревожные состояния, нарушения памяти.

Все это прекрасно знают и тюремные врачи, но преступно-умышленно проводят именно такую практику. Она стоила жизни политзаключенному Николаю Володину, умерщвленному таким образом в 1974 году врачом Виктором Царевым. Аналогично Елена Максимова умертвила Эдуарда Каца, москвича, брошенного в Сычѣвку за желание выехать в Израиль.

Зеленеев сильно подорвал такой методикой "лечения" здоровье Михайлова, политзаключенного Николая Каменского, Виктора Пронькина. Упомянутая уже врач Максимова нанесла ущерб здоровью диакона Василия Шипилова, довела до инфаркта Лом-Лопату. Врач Смирнов искалечил здоровье политзаключенных Ильи Улецкого, Владимира Максимова, Виктора Аксенова.

Можно было бы перечислить сотни узников Сычѣвки, искалеченных преступно-безответственным "лечением" людей, недостойных звания врача. Пусть меня простят за то, что я не все смог увидеть и узнать. Но из того, что я увидел и узнал никого и ничего я не забыл, несмотря на старания врачей-карателей. Это еще один пример того, что память - божественный дар и неподвластна злой воле людей, ушедших из человечества.

Но вернемся к моему случаю. Через неделю после прекращения "лечения", меня вновь вызвал Зеленеев и учинил мне допрос. Его интересовало: каким образом я передал информацию о своем деле и о Сычѳвке на радиостанцию "Свобода"? Вместе с ним был майор КГБ Станкевич. Он предупредил меня, что я могу вообще не выйти из Сычѳвки, что меня залечат и сделают "дураком". Зеленеев ему поддакивал.

И снова - большие дозы аминазина. Пытка усиливается тем, что через 7-8 дней Зеленеев внезапно прерывает курс уколов, а через 3-4 дня возобновляет. И снова - перерыв, и вновь уколы. Три месяца "лечения" не проходят бесследно: острое воспаление почек, анурия, сердечные приступы, гипотонический криз.

Через месяц писатель Краснов-Левитин, заключенный в то время в непсихиатрической половине Сычѳвского концлагеря, сообщил обо мне в "Хронику". Сразу же после передачи радиостанции "Свобода" и "Радио Швеция", работники КГБ, вызвав меня в кабинет начальника психтюрѳмы, снова учинили мне допрос. Я отказался отвечать, мотивировав это тем, что показания неменяемого не имеют по закону юридической силы. Меня спрашивали о связи с Петром Якиром. Потрясали моей нелегально отосланной открыткой, изъятой ими во время обыска у Ирины Белогородской. Спрашивали о связях с Красновым-Левитиным и Чалидзе. Их монолог, имевший, видимо, целью поразить меня осведомленностью КГБ о моей антисоветской деятельности в сумасшедшем доме, закончился угрозой отправить меня вновь в тюрѳму.

Вечером того же дня Зеленеев назначил мне лечение галоперидолом, распорядившись при этом не давать мне корректоров, спасающих от паркинсоновских побочных явлений. Но, с помощью симпатизировавших мне врачей, мне удалось достать упаковку циклодола. Спасаясь

от паралича шейных мышц и дискинезии я, однако, стал слепнуть от корректора. И только случай помог мне спастись от этой кары.

Доведенный до отчаяния постоянными избиениями и издевательствами латыш Вернер Дакарс, которого выпускали работать в столярную мастерскую, покалечил топором особенно жестокого уголовника-санитара Александра Петровича и ранил еще двоих. После случая с Петровичем, Зеленеев, на которого было уже и так очень много жалоб родственников больных, был отстранен от работы и переведен в другое отделение простым ординатором.

Новый зав.отделением Владимир Москальков медленно отменил мне это лечение, сказав, что его назначение ничем не обосновано и кроме вреда ничего мне не принесло. Москальков, молодой человек из Рудни, только что закончивший мединститут в Смоленске, подписал контракт с МВД на отработку в Сычёвке в течение трех лет. Он был поражен порядками в психтюрьме, но в силу своей безынициативности не противился указаниям начальства. Он не симпатизировал политическим, так как у него не было никаких убеждений, но отчетливо видел пропасть между врачебным долгом и обязанностями врача, работающего в системе МВД и КГБ.

Несмотря на почти год работы в 4-ом отделении Москалькову не удалось вырваться из цепких объятий Пискуновой, которая его ненавидела и, лицемерно подчиняясь на словах, делала все по-своему. Встречаясь с Зеленеевым на улице, Пискунова подобострастно здоровалась с ним, и подолгу кокетливо разговаривала. Через 10 месяцев она все же дождалась возвращения Зеленеева и злорадно-победоносно объявила больным: "Ну, кончилась малина. Теперь держитесь: Альберт Иович вам покажет...".

И Зеленеев вернулся в отделение полноправным хозяином. Более полугода он добивался реабилитации и униженно просил, писал жалобы, умолял КГБ заступиться за него, невинно оклеветанного. А то, что за последний год его начальства в отделении было убито трое больных, четверо умерли от "лечения" и 11 было искалечено - оказалось "клеветой".

С каким удовольствием Зеленеев рассказывал мне, что выписанного год назад Николая Барченкова, жаловавшегося на него в ЦК КПСС, он лично вновь отправил в сумасшедший дом: ЦК передал жалобу в прокуратуру РСФСР, та отфутболила ее прокурору Бадейкину в Сычëвку. Бадейкин передал жалобу Зеленееву. Зеленеев специально съездил в Москву и потребовал у диспансера госпитализации жалобщика. Требование было выполнено сразу. Психиатры нашли опасное изменение состояния больного. Зеленеев сожалел только о том, что Барченкова не отправили в психтюрьму.

Свое возвращение в отделение Зеленеев отпраздновал убийством Дехнича. Но в тот день, когда после длительных угроз он решил назначить мне лечение трифтазином, галоперидолом и модитен-депо, чекисты вывезли меня внезапно ночью из Сычëвки в Смоленскую тюрьму.

Тайна выписки

Меня спешно перевели в Смоленскую психтюрьму якобы для выписки. Впрочем перевели - не то слово. Вытащили из постели в два часа ночи, не разрешив взять с собою ничего. Одели в лагерную робу и погнали с этапом уголовников до тюремных машин, которые довели нас до станции. Там, после обычного коленопреклонного ожидания затолкали в столыпинский вагон почтово-багажного состава и выбросили на Смоленском перроне. Опять воронок, долгая

стоянка во дворе Смоленской тюрьмы при морозе в 20 градусов и одиночная камера.

Но выписка не состоялась. Когда спустя месяц после помещения в отделение Смоленской психтюрьмы меня привели на комиссию, то профессор института им. Сербского Софья Позднякова, заявила, что я "слишком истощен" и в таком виде меня нельзя выпускать "Что скажут диссиденты?" - заметила она. И распорядилась: "Накачайте его инсулином!" Распоряжение было выполнено и едва не стоило мне жизни, поскольку вслед за повторным шоком я никак не мог выйти из комы...

В другой раз, летом 1976 года, Позднякова вновь проводила комиссию и выписала меня безо всяких слов. Она лишь сказала: "Ваше место в тюрьме, будете опять пропагандировать - получите не меньше червонца. Слишком много шума из-за таких ничтожных типов!"

Из этого я сделал вывод, что пришло время, когда дальнейшее заключение в психтюрьме стало нецелесообразным: хотя меня и считают "ничтожным типом", из-за меня "слишком много шума". Спасибо вам, Amnesty International, группа Хельсинки, профессор Шарль Дюран, Корнелия Герстенмайер, Андрей Дмитриевич Сахаров, Наташа Горбаневская и многие другие за то, что "шумели": вы спасли "ничтожного типа". Я спросил тогда у Петра Рыбкина, главного психиатра МВД, почему же могущественные властители боятся "ничтожных типов". Он ответил:

- Вас никто не боится. Но вы создаете нездоровый шум на Западе.

- "Нездоровый" психически? - просил уточнить я.

- А что ж, будут нормальные такой шум подымать из-за горстки отщепенцев?

Ах, как любят большевики словечко "отщепенцы"! Какие они мудрые агитаторы! Так вот и лезут из кожи, чтоб внушить всем: внутри страны у нас нет серьезных противников, только - мелочь всякая. "Мы сильны, а вы ничтожны". Но не дай Бог стать полковнику МВД Рыбкину главным психиатром мира - он и до вас, фрау Корнелия и мсье Шарль, доберется!

Рыбкин, как и Софья Позднякова проводил комиссии в психтюрьмах и решал судьбы заключенных в них людей. Он был убежден, что большинство больных - симулянты, что политзаключенные - самые зловередные преступники, "агенты иностранных разведок" и "фашисты", что верующие люди, и особенно священники и проповедники-сектанты - самые тяжелые и неизлечимые больные.

Я спросил Рыбкина, считает ли он психически больными патриархов православных Церквей, Папу римского, мусульманских имамов, Далай-ламу и прочих видных возглавителей верующих?

- Церковь - это блажь сумасшедших. Верующие, особенно баптисты, тяжело больные психически люди, - сказал он, и продолжал, - только капиталистическое окружение не позволяет нам избавить людей от бреда этих больных.

- А если б не было "капиталистического окружения"? Что бы вы с ними сделали?

- Их место в больнице. Даже ребенку ясно, что они несут бред.

- А патриарх Пимен, а папа Павел VI?

- Я говорю обо всех так называемых верующих. И какая разница - папа это или мама! - "сострил" Рыбкин.

Таково мнение главного охранителя психического здоровья "общества развитого социализма". И этот дикий, тупой выдвигенец, ничего не смыслящий в психиатрии, решает судьбы людей, назначает им лечение.

Слово Петра Рыбкина считается неоспоримой директивой. Летом 1975 года он дал указание сычëвским врачам начать массовое лечение инсулиновыми шоками. И они сразу же начали выполнять приказ, организовав инсулиновое отделение и пропуская через шоки больных без разбора, "для выписки". Я попал под эти молотки в Смоленской психтюрьме. Врач Вячеслав Бобров говорил многим больным: "Надо пройти инсулин - это хороший козырь на комиссию для выписки".

Со стороны это просто кажется смехотворным, но врачи считают необходимым выполнить инструкцию такого рода. Рыбкин, Холодковская, Попов, Позднякова, Торубаров, Туркина и другие профессора института им. Сербского давали неоднократно указания, по которым врачи проводили то аминазиновую, то галоперидовую, то трифтазиновую кампании. А проведение подобных "кампаний", как и всех иных в Советском Союзе, требует "охвата": чем шире, тем лучше. Последняя "кампания" в 1976 году требовала поголовного охвата больных препаратом "модитен-депо".

Что же такое комиссия? Это опять-таки мероприятие. Комиссия двулика, одно лицо обращено к администрации психтюрьмы, другое - к больным. Администрация стремится пустить пыль в глаза и лихорадочно готовится к комиссии: наводя лоск на психтюрьму, готовя комиссии подарки и праздничный обед и заранее намечая кандидатуры на выписку. Больные ломают голову: что ответить на вопросы, как

убедить врача в том, что они уже созрели для выписки?

И вот, наконец, едут. Слух об этом разносится повсеместно. Вытаскиваются специальные фланелевые зеленые пижамы, по 3-4 на отделение, и столько же комплектов новых тапочек и носков. В кабинеты, где будет проходить комиссия, приносятся цветы, вазочки с конфетами и чайные приборы. Расстилаются в тюремных коридорах ковровые дорожки. И - самое главное из спецчасти приволакивают наволочки, набитые личными делами "больных".

Врачи инструктируют больных, которых намереваются протолкнуть, что говорить комиссии. Одному говорят, чтоб сознался в убийстве, которого не совершал, другому - чтоб со следами на глазах клялся, что не будет больше никогда ничего писать, третьему - что понял, что никакого Бога нет, что верил "по болезни" и т.п.

Но сначала - торжественная встреча, традиционный обед из индейки или поросенка, речи, восхваляющие "достижения" и отчет о том, что предыдущие ЦУ выполнены неукоснительно. После всего этого приступают к делу. Больных в алфавитном порядке по 3-4 наряжают в прокатные пижамы и тапочки и усаживают на стулья или скамейки перед заветными дверьми. Вызывают в кабинет по одному, через минуту-две он выходит. С него сразу же срывают прокатную пижаму и тут же облачают в нее следующего.

Каждые две, максимум десять, минут раздаётся новый звонок. Председатель комиссии, профессор Холодковская, постоянно приезжающая в Сычёвку, ухитряется в два-три часа "пропустить" 90-100 человек. Как и многое другое в стране, действия Холодковской не поддаются никакому логическому анализу - они иррациональны.

Вводят вора-рецидивиста.

- Воровать будешь? - спрашивает его эта ма-
разматическая старуха.

- А как же: не украдешь, не проживешь, - от-
вечает молодец.

- И то правда! - заключает Холодковская и
выписывает вора.

Вводят другого вора:

- Воровать будешь?

- Что вы, нет, завязал!†

- Ну, иди лечись, - заключает Холодковская
и не выписывает раскаявшегося вора.

Третьего вора старуха не выписывает за то,
что он все еще социально-опасен: говорит,
что будет воровать. Иного не выписывает по-
тому, что считает: своим раскаянием вор хочет
ее провести.

- Меня на мякине не проведешь! - любит пов-
торять старуха.

Холодковскую не интересует состояние больно-
го. По свидетельству одного врача, она сразу
же интересуется делом. И подсчитывает: а
сколько бы мог дать суд этому человеку, если
бы он не был признан невменяемым? Она здесь
- и суд, и прокурор, и адвокат в одном лице.

Как же можно выписать больного через год или
два, если бы его присудили минимум на пять
лет! "Тащить и не пущать!" - этот древний
жандармский девиз является руководящим ука-

---

† Бросил воровать /воровской жарг./.

занием на всех уровнях тоталитарной системы. Не видят исключения для себя и ГУЛаговские психиатры.

Выписка больных, конечно же, ставится в прямую зависимость от тяжести обвинения. Никого, кроме родственников высокопоставленных лиц, не выпускают из психтюрьмы раньше средне-предполагаемого срока, который он мог бы получить по приговору суда. Но в психтюрьме могут содержать и гораздо дольше, чем могло бы грозить максимальное заключение по тому или иному обвинению.

"Стенотерапия"

Холодковская провела мне шесть комиссий за три с лишним года. Ни на одной из них она не приняла решения о выписке. Я увидел ее впервые поздней осенью 1972 года. Когда меня ввели в кабинет, она спросила меня сразу же: в чем сущность моих убеждений.

- Я против диктатуры, против государственного терроризма. Я выступаю за свободу убеждений, за свободу творчества, за представительную демократию - то есть за открытое плюралистическое общество.

После этого Холодковская заявила, что мое заболевание неизлечимо. Единственное лечение, может быть могущее мне помочь, - "стенотерапия".

- Вы будете здесь до тех пор, - сказала она, пока не будете думать, как все. И пока не осознаете свою опасность для общества. Идите и сидите. Вас будут лечить стены.

Через 8 месяцев мы встретились вновь. Это было время шока, который испытал мир, прочтя "Архипелаг ГУЛаг".

- Вы поддерживаете Солженицына? - спросила Холодковская.

- А почему я должен осуждать его? Я до сих пор на одном из островов Архипелага.

- Вы неисправимы! - сделала она вывод. И предупредила:-имейте в виду, что если когда-либо, освободясь, вы будете писать о тюрьмах и спецбольницах - это будет такая же клевета, как и у Солженицына, и вас вряд ли тогда упрячут в дурдом - до конца жизни вы будете сидеть в тюрьме.

В другой раз Елизавета Холодковская внезапно спросила меня:

- Вы меня ненавидете?

- Отнюдь нет, я вас жалею.

- Но почему же? Я вас держу в этих стенах, вы должны ненавидеть меня, как Лунца, как Брежнева, как Андропова.

- Вы сами признаете свою причастность к этой банде, - заключил я.

В одну из последних комиссий Холодковская набросилась на меня за мои контакты с поэтессой Натальей Горбаневской. Она сказала, что Горбаневская - сумасшедшая, и "было большой ошибкой отпустить ее из Казани". Надо здесь пояснить, что в 1975 году мне разрешили два свидания с Наташей и та поддержка, которую она оказывала мне до сих пор, стала более зримой. Последнее свидание с Наташей было очень грустным - она покидала СССР и я был под неотвязным опасением, что мы больше никогда не увидимся. А на комиссии Холодковская сказала: "Предателей мы назад не впускаем".

Кого же ты предала, Наташа, когда возвысила голос поработенного народа в августовский полдень на Красной площади, когда - сама с

двумя маленькими детьми - помогала десяткам обездоленных, когда ночи напролет переводила стихи, донося нам голоса такого родного мира, когда написала такую потрясающую поэтическую эпитафию умерщвленному в концлагере Юрию Галанскову! Прокляты отвергающие милосердие, карающие за милосердие!

- Милосердие? - спросила меня однажды Холодковская: - Это было и есть при капитализме, а у нас - гуманизм. Вас многих надо было бы расстрелять, а вас лечат здесь. Разве это не гуманно?

Черной неблагодарностью за гуманность заплатили, по мнению Холодковской, такие люди как Петр Григоренко, Владимир Буковский, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг, Ольга Иофе, Александр Есенин-Вольпин, Леонид Плющ. Их, ведь "вылечили" - а они подняли шум на весь мир. Холодковская и Рыбкин считали, что все эти люди и там, за границей, впоследствии попадут в сумасшедшие дома. Рыбкин при этом резонерствовал так:

- Вы думаете, что там в Америке или в Италии не сажают в сумасшедшие дома за взгляды! Еще как!!

По его мнению до половины негров и коммунистов в США содержатся в ужасных психиатрических тюрьмах, где им насильственно проводят лоботомию и всем поголовно делают электрошоки.

Невежество этих двух "профессоров" института им. Сербского просто поразительно. Они, мысля лишь категориями советской системы, полагают, что коммунистам, как и всем другим левым, запрещается выражать свои взгляды на Западе.

- Но кто же тогда издает "Morning Star", "Volksstimme", "Daily World", "Unsere Zeit"

и другие коммунистические издания? - спросил я.

На это Рыбкин дал информацию, достойную размышления:

- Их печатают в Москве.

Возможно, он выразил глубокую мечту Кремля о том, чтобы вся информация фильтровалась в Москве.

Сами Рыбкин и Холодковская считают большинство больных преступниками, которых необходимо держать в психтюрьме как можно дольше. При этом они отдают себе отчет, что так называемое "принудительное лечение" просто не может дать положительных результатов. Множество больных, не дающих повода для обвинения их в нарушении тюремного режима или в подозрительном поведении вообще выпадают из поля зрения врачей. Их ничем не лечат - они проходят курс "стенотерапии" в чистом виде. "Стенотерапию" других лишь маскируют бессистемным спорадическим назначением нейролептиков.

Врач Зеленева прикрывал "стенотерапию" Николая Каменского смехотворной дозой аминазина - 25 мг в сутки. Владимир Гуревич, принужденный агентами КГБ "лечить" Йосипа Терелю, прикрывал "стенотерапию" минимальной дозой элениума. Врач Москальков в качестве меньшего зла назначал мне триоксазин. Некоторые врачи ради более убедительного воздействия на комиссию записывали в истории болезни ужасающие курсы лечения. Например, я узнал в Смоленске, что меня "лечили" в Сычёвке неуплептилом и галоперидолом в максимальных дозах. Галоперидол я получал не более месяца, а неуплептила вообще не получал.

Здесь сказывается общий для советской системы принцип пускания пыли в глаза. Опираясь терминами А.Твардовского, я хотел бы сконструировать их так: никого не интересует есть ли то или иное "в натуре", - главное, что "ббозначено в меню".

"Летучие Голландцы" советской юстиции

Этот принцип очень характерен для всей системы советской юстиции, когда по меткому выражению Виктора Валькова "тысячи Летучих Голландцев бороздят акватории Архипелага ГУЛага, имея, правда, длительные стоянки на островах". Одна из таких стоянок и есть Сычѳвка.

Поразительна судьба Виктора Аксенова. В Ростове-на-Дону убили инспектора уголовного розыска. И работавший милиционером Аксенов был немедленно арестован и обвинен в убийстве, несмотря на алиби. В момент убийства Аксенов был на расстоянии более 150 километров от места происшествия. И по здравому рассуждению это расстояние он никак не мог бы преодолеть за полчаса и потом вернуться назад.

Но отчего же выбор пал на Аксенова? Ранее на него поступил ряд сигналов. Доносы утверждали, что Аксенов регулярно слушает передачи западных радиостанций на русском языке, сконструировал у себя дома устройство, помогающее ему преодолевать шум глушилок и хорошо принимать передачи радио "Свобода". Доносы обвиняли его и в том, что он помогал какой-то "террористической банде антисоветчиков" и предупреждал об акциях КГБ против нее. Кроме того, Аксенова обвинили в "странных и строго законспирированных поездках в Москву".

Несмотря на обвинение в убийстве, следовательно КГБ говорили ему: "Мы знаем почти все,

сознайся и мы снимем обвинение в убийстве, будешь сотрудничать с нами". Аксенов наотрез отказался. Тогда через полтора года безуспешных попыток заставить Виктора дать интересующие их показания, он был признан невменяемым и отправлен в Сычёвку. Где и находился на 1975 год более 8-ми лет.

За это время его пять раз посещали работники Ростовского КГБ и продолжали требовать от него показаний. Вслед за очередным отказом они требовали интенсивного лечения. Врач Смирнов и имеющий допуск к этому делу Зеленева немедленно выполняют приказы. По несколько месяцев Аксенова залечивали до того, что он терял человеческий облик. И вновь допросы. Снова отказ говорить с гебистами, снова лечение. Аксенова спрашивали только об одном: признает ли он себя виновным в убийстве. Непризнание "вины" вызывает продление его "лечения".

Осенью 1975 года я видел Аксенова в последний раз. Сразу же после визита двух работников КГБ его перевели в специально организованное инсулиновое отделение и стали проводить шоки. Перед этим мне удалось узнать, что работники КГБ объявили ему: его мать при смерти, они могут его немедленно освободить, если он ответит на ряд вопросов. Аксенов отверг этот шантаж. Зеленева впоследствии сказал мне: "Аксенов очень опасный преступник, но в мужестве ему не откажешь".

Другой "Летучий Голландец" - Виктор Вальков. Он учился в техникуме в Туле и высказывался очень нелестно о Хрущеве, осуждая при этом порядки в стране. Выросший в нищете, в колхозе, он стремился, где только мог, разоблачать миф о счастье, которое якобы принесла советская власть крестьянам. В конце 50-х годов, по доносу брата, работавшего в мили-

ции, он был арестован и осужден "за кражу государственного имущества". Двадцать с лишним лет он плавал "Летучим Голландцем" по островам ГУЛага. Имея зоркий глаз и феноменальную память, он живописует чудовищную бездну сталинских преступлений в лагерях и не менее мерзкие методы, применявшиеся в хрущевских и брежневских концлагерях особого режима.

Пять раз судьи выносили ему приговоры, обвиняли его в различных преступлениях против режима, совершенных уже в лагере. Но однажды, в 1974 году, на Новый Год, его внезапно освободили, отменив превоначальные обвинения. Однако в "большой зоне" Вальков пробыл лишь несколько дней. Став в лагере близ Архангельска верующим, он заехал к братьям во Христе с письмами от заключенных евангельских христиан и через несколько дней ринулся в лагерь, чтоб передать верующим письма братьев, литературу и продукты. Он намеревался передать все это через дружественных ему, освобожденных от конвоя заключенных. В поезде его избили чекисты и выбросили из вагона.

Но Вальков не погиб. Он мог бы радоваться тому, что остался жив, с целым позвоночником и быстро срастающимися переломанными костями, но как только с него сняли гипс, его посетили следователи МВД и КГБ. Его обвинили в убийстве и ограблении неведомого пассажира и преступных связях с государственными преступниками.

Убитый не был опознан. Но зато был "опознан" нож, которым якобы Вальков убил неизвестного. Нож был "опознан" одним из сексотов-лагерников, показавшим, что именно этот нож принадлежал Валькову в лагере. Виктор отверг эти фальшивые обвинения.

После нескольких месяцев заключения в одиночной камере Валькова обследовала местная амбулаторная психкомиссия и вынесла вердикт о невменяемости. Так Вальков оказался в Сычëвской психтюрьме. В спецбольнице к нему относились почему-то как к симулянту и во время комиссий буквально учиняли ему допросы и при этом постоянно угрожали отправкой в тюрьму.

Так он и жил в течение почти двух лет в неопределенности, олицетворяя в себе две проблемы "Летучего Голландца": сомнительность преступления и сомнительность диагноза. В конце концов Рыбкин сказал ему, что он психически совершенно здоров.

И хотя в знаменитом заявлении советских психиатров по поводу обвинений Запада в содержании психически нормальных людей в советских психиатрических больницах, подписанном А.Снежневским, Г.Морозовым, Я.Ландау и др. говорится, что за полвека не было ни одного случая содержания здоровых людей в психбольницах, случается, что после 4-х, 5-ти и даже 10-тилетнего содержания в тюремных сумасшедших домах людей отправляют в тюрьму как здоровых. Так после трехлетнего заключения в Сычëвке был психически реабилитирован Николай Репин, после пятилетнего содержания Владимир Бобков, после десятилетнего содержания Геннадий Логачев.

Ужас Сей-Сёнагон

Около тысячи лет назад фрейлина японской императрицы Сей-Сёнагон в своих "Записках у изголовья" передает тот ужас, который испытывает человек, лишенный бумаги и палочек с тушью. "Возможность выразить себя настолько дорога человеку, что лишение такой возможности наверняка сведет его с ума", - пишет она. При этом, рассуждая о качестве бума-

ги и туши, она замечает, что плохое качество бумаги, безобразная пища или ужасная посуда может угнетать человека психически.

Я уже не буду говорить об отвратительном приготовлении пищи или о мерзкой металлической посуде - человека тонкого и чувствительного это не только лишает аппетита, но и постоянно травмирует. Не в меньшей степени травмирует, если не сводит с ума вообще, запрещение "иметь бумагу и карандаш". А фактически запрещено писать и рисовать.

Официально эта мера оправдывается лишь тем, что психическим больным опасно давать карандаш /может повредить глаз/ и ручку /может выпить чернила/. Поэтому инструкция разрешает писать и рисовать лишь в присутствии персонала в специально отведенном месте. Но и в этом случае действует бессмертная формула Твардовского: "обозначено в меню, а в натуре нету". Тюремщики свели это правило лишь к написанию писем. Причем, чтобы воспользоваться этим правом, необходимо получить не только разрешение врача и согласие медсестры, но и пользоваться расположением санитаря, которое покупается за сигареты, колбасу и пр. А если платить нечем? Тогда вы слышите в ответ на просьбу выпустить из камеры в столовую, чтоб написать письмо, - "нет мест". Прямо как в советских гостиницах.

Письма пишут раз-два в неделю. Но могут и вообще не писать две недели подряд. Сестры зорко следят, чтобы больной писал только письмо и ничто другое. Бумага выдается по счету, а карандаш изымается немедленно после написания письма. Писать чернилами или шариковыми ручками по совершенно непонятной причине строго запрещается.

То, что письмо написано, вовсе не означает, что оно будет отправлено. Его могут долго

проверять по инстанциям: сестра, врач, оперуполномоченный МВД, сотрудник КГБ в Сычёвке или спецотдел в Смоленске. Некоторые письма "проверяются" более месяца, но большинство конфискуется. Отправка телеграмм или, тем более, разговор по телефону строжайше запрещены.

Я часто думал о причинах, побуждающих тысячи людей в стране копаться в чужих письмах. Ведь совершенно очевидно, что любой нормальный человек не станет в письмах сообщать какие-то сверхсекретные сведения, то бишь - шпионские. Тем более, что большинство людей, как правило, не имеет доступа к какой бы то ни было секретной информации. А применительно к сумасшедшему дому в Сычёвке вообще смехотворно говорить о каких-то секретных сведениях.

Но это с точки зрения нормального человека. У КГБ другая логика. Все факты, подрывающие престиж СССР как "цивилизованного государства", объявляются "секретными". По этой логике "секретными сведениями" объявляются например, меню в психтюрьме, одежда больных, фамилии врачей, проходимое больными лечение и многое другое.

Можно ли поверить, что запрет писать и рисовать связан с заботой тюремщиков о здоровье "больных"? Не такую ли же заботу проявляли в свое время николаевские жандармы о Тарасе Шевченко, когда по высочайшему повелению запретили ему "писать и рисовать"?

Сычёвские оперативники Леонович и Тилк постоянно и зорко следили, чтобы заключенные больницы не писали и не рисовали. При обнаружении огрызка карандаша сестры и надзиратели победоносно разоблачали злоумышленника и, учинив ему допрос, водворяли "на вязки" и требовали "лечить" провинившегося. Одним

из самых достойных интеллекта КГБ дел считалось разоблачение злоумышленников, тайно имеющих огрызки карандашей. Для этого создавалась целая агентура.

Когда один такой агент доносит, что есть подозрение на наличие карандаша у кого-нибудь из больных, немедленно организуется целых три облавы. Сначала всё переворачивают вверх дном надзиратели. Топчутся сапогами по постелям, выбрасывают в коридор письма и фотографии, газеты и книги. Сестры немедленно приказывают санитарам жечь трофеи. Затем, когда больные начинают наводить порядок и приходить в себя, врываются санитары. После их шмона проходят с обыском еще и сестры. И какое же полицейское ликование испытывает каждый раз Людмила Пискунова, когда все же обнаруживает крамольный карандаш!

У меня, например, Пискунова перевернула койку вверх ногами и обнаружила карандаш в пружинах сетки. Надо было видеть, как она, держа в поднятой руке огрызок карандаша, шествует по тюремному коридору и "утирает нос" надзирателям: "За что вы только деньги получаете!" Дескать: сама-то она "мышей ловит".

Сколько энергии затрачивается в этом государстве на борьбу с самовыражением личности! И эта антицивилизация именуется "светлым будущим человечества". Счастливы люди, не пьющие еще из этой чаши!

Мне все же удалось написать и много стихов, и вести дневники в этих кошмарных условиях запрета. Но я не учел всей бдительности тюремщиков. Мне дали возможность вывезти рукописи из Сычëвской и Смоленской психтюрем, но перед отправкой в Сибирь, 7 сентября 1976 года эмвездэшники устроили мне обыск и конфисковали все рукописи. На мои запросы на-

чальник Смоленского отделения ГУЛага Ф.Скоромный ответил: "Ваши рукописи не могут быть возвращены, поскольку в них содержатся сведения, не подлежащие разглашению".

"Не подлежат разглашению" стихи о Моцарте, письма от друзей, фотографии малограмотной двоюродной сестры и Наташи Горбаневской с детьми...

"Ну, будете еще писать?"

Этот вопрос задала на комиссии Холодковская представшему перед ней Николаю Каменскому.

- Боже избавь! Никогда. Ни о чем, - ответил старый коммунист, кузнец Каменский.

Выписывая его после четырех лет "лечения", Холодковская заметила:

- Ну что ж, поверим вам на первый раз.

/Видимо, она была уверена в том, что возможен и второй раз./

Николай Каменский, ростовский крестьянин, с 12-ти лет стал помощником кузнеца. А когда в период Великого сталинского голода лишился работы, ходил с оглохшим кузнецом и собирал милостыню. В 30-ые годы, однако, Каменский осел в городе, вступил в ВКП/б/ и терпеливо ожидал мировой революции. И ринулся в бой против финнов, помогая Сталину расширить границы империи. После Выборга Каменский долго отступал с Красной армией на Восток, был ранен, получил Орден Славы и участвовал в штурме Берлина.

После войны коммунист Каменский стал замечать, что "передовой отряд рабочего класса", как называют себя вожди Советского Союза, настолько отрывается от ведомых ими рабочих,

что теряют их из виду. Каменский стал наблюдать, записывать, анализировать. Ему не понравилось, что десталинизация была остановлена в самом начале, что у рабочих ничтожная зарплата, что в магазинах все дорого. Он считал, что вторжение в Чехословакию, конфликт с Мао, процесс против Синявского и Даниэля — были ошибочными действиями вождей. Об этом он сообщал Брежневу в письмах, не решаясь, однако, подписаться своим именем.

КГБ сбилось с ног, разыскивая опасного врага. Но более пяти лет письма продолжали поступать. Монолог Каменского не вызывал диалога. Вожди негодовали по поводу никчемности сыщиков из московской охраны.

Помог следственным органам КГБ родной брат Каменского, случайно заметив у брата "какие-то рукописи". Бдительность эмвездэшников была вознаграждена сообщением КГБ, что удалось разоблачить крупного врага советской власти.

Более года Николай Каменский просидел в одиночной камере Ростовской тюрьмы и упрямо отказывался признать себя врагом. "Я коммунист и имею право на принципиальную критику", — говорил он следователям. "Но критика критике рознь", — убеждали его чекисты. В ответ Каменский цитировал им Маркса: "Критика должна быть беспощадной".

Восемь раз за четыре с половиной года Холодковская пыталась убедить Каменского, что он не коммунист, а антисоветчик. Но Каменский возражал ей, что антисоветчик не он, а те, кто признали его за правду сумасшедшим и бросили в "фашистский концлагерь" в Сычёвке.

Зеленеев пичкал Каменского аминазином и трифтазином, приговаривая, что "у нас есть, кому критиковать" и "пора понять, что если все

будут говорить и писать, что́ им вздумается, то советской власти - *конец*". Очень неглупое умозаключение!

Через четыре года Каменский сдался. От таблеток он почти оглох, а сердечные приступы как бы убеждали его в бесполезности отстаивать правду. После гибели от таблеток сердечника Пронькина Каменский понял, что ему грозит такая же смерть. Зеленева его очень хвалил, узнав о решении предпочесть жизнь смерти.

- А как же ты думал, Каменский, даже и Гитлер не любил критику.

Коммунист воздержался от комментариев - это дало ему возможность умереть у себя дома.

Неинтеллигентные диссиденты

Майор КГБ Станкевич, курировавший Сычëвку, не считал Каменского политиком и причислял его к так называемым неинтеллигентным диссидентам. По его мнению простительно, когда чем-то недовольны академики, писатели, ученые, журналисты: они "просто с жиру бесятся". А вот что нужно работягам? Это уж точно - сумасшедшие. Ну, например, Костя Малышев.

Работал в Горьком Малышев мастером на заводе, имел большой опыт, но поставили его инженером и стал он защищать интересы рабочих. Полюбили своего Костю рабочие, сорвали интриги начальства, отстояли его. Но на что же КГБ? Рабочий должен искать помощи у начальства, у профсоюзов, у парткома. Доверять же им самим защиту своих интересов - это уже "подрыв и ослабление советской власти". Так, того и гляди, не нужны станут вертикальные профсоюзы и партийные надзиратели на заводах.

Мальшева уволили и отдали под суд за пропаганду, подрывающую экономику СССР. /Мальшев считал, что нужно бороться за повышение заработной платы./ Но, видя смехотворность обвинения, суд упрятал Костю Мальшева в Сычёвку. Выпустили его через три года инвалидом.

Михаил Кукобака в войну потерял родителей, жил по общежитиям, ездил по стройкам. В Сибири встретил умных людей, открывших ему глаза на жизнь, недостойную человека, в СССР. Кукобака стал упорно и много читать, поступил в Киевский университет. Но советские преподаватели – народ бдительный. Одна свободомыслящая овца может испортить все стадо. Стадо избавили от порчи, а Кукобака вновь стал рабочим.

Одиноким в своих благородных помыслах Миша находил немного сторонников, да и те его предавали. Когда Кукобака поехал в Москву, чтобы рассказать западногерманскому журналисту о положении рабочих, его арестовали. При обыске в общежитии завода в его тумбочке чекисты обнаружили тетрадь, из которой узнали, что Кукобака осудил вторжение войск в Чехословакию, поддерживает Солженицына и Сахарова и вообще "дышит не тем".

Более года КГБ продержало Михаила Кукобаку в одиночной камере Владимирской тюрьмы, а его законное требование писать показания собственноручно послужило поводом к признанию его душевнобольным. И еще год Кукобака в этой же тюремной одиночке ждал отправки в Сычёвку. В Сычёвке его продержали еще три года. Затем еще год Кукобака провел в больнице общего типа.

Кукобака – рабочий с поразительно демократическим мышлением. Он мог бы стать гордостью нашего народа. Но чекисты увидели в нем,

как и в других "неинтеллигентных диссидентах" своего смертельного врага.

Власть, называющая себя властью рабочих и крестьян более всего боится этих самых рабочих и крестьян, когда они осознают свое человеческое достоинство и свое гражданское назначение. То большинство трудящихся, которых она цинично называет "народной массой" /т.е. собрание слепых и немых, долженствующих быть всегда довольными и готовыми одобрять любые авантюры вождей/, нейтрализовано страхом. И поэтому остервенело преследуют они преодолевших страх, твердо следуя формуле Отто Скорцени: Каждая власть должна уметь припугнуть свой народ".

"Припугнуть" им удастся, и неплохо. Миллионы людей все еще скованы страхом. Недаром перефразировали поговорку: "Слово - не воробей, выпустишь и... поймают".

Так, еще в 1934 году попал в СЛОН украинский крестьянин Федор Лом-Лопата. Более 25-ти лет он отсидел в лагерях и тюрьмах. В Мордовии чекисты сломали ему ногу и не оказывали медпомощь. В результате - вынужденная ампутация. В 1971 году Лом-Лопату вновь судят в железной клетке подвала Владимирской тюрьмы. Приговор: 15 лет - за оскорбление личности Ленина, зашифрованное судом как "антисоветская пропаганда" и "дезорганизация мест лишения свободы".

Верховный суд РСФСР постеснялся утвердить этот смело обобщающий юридические нормы приговор и нашел выход в признании почти 60-летнего Лом-Лопаты невменяемым. Его держали в Сычёвке два года с тем, чтобы повесить ему ярлык инвалида и отправить в другую тюрьму, замаскированную под специальный инвалидный дом.

Диву даешься, слыша разговоры о том, что диссидентство - всего лишь плод непредставительной кучки интеллектуалов. И в лагерях, и в тюрьмах, и в сумасшедших домах диссидентов рабочего и крестьянского происхождения - большинство. А правительство охотно говорит об отдельных якобы асоциальных элементах, не связанных с повседневным наемным трудом, чтоб поддерживать миф, что рабочим чуждо диссидентство. Но "неинтеллигентный" диссидент постепенно становится интеллигентным и уходит из нашего поля зрения как представитель трудящихся.

"Предатели"

Это одно из самых любимых словечек сталинской эры и до сих пор ласкает слух ортодоксов. Больше всего хотят видеть в другом "предателя" те, кто сами не имеют понятия о верности. Если "верностью" не считать собачью преданность вождю. Но здесь опасно оскорбить собаку, ибо собака верна и мертвому хозяину, верноподданные же верны лишь сидящему на троне. И для них нет лучшей возможности доказать свою верноподданность, чем показать пальцем на "предателя".

Так Лямец, Станкевич, Леонович и Тилк любили хвастать тем, что они "держат" в Сычёвке опасного предателя Багдонаса. Всем своим видом они говорили: "Он получит сполна". Йонас Багдонас, литовец-националист, не признавший советскую оккупацию в 1940 году, ушел в лес и с одинаковой яростью воевал против германских и советских оккупантов. После десяти лет участия в национально-освободительном движении, Багдонас был схвачен, осужден, а затем признан сумасшедшим. В Сычёвке он уже больше 20-ти лет. И выпускать его не торопятся. На комиссии его спрашивают, признает ли он своей родиной СССР. И вновь, и вновь,

слыша от него о какой-то независимой Литве, — оставляют Йонаса "лечиться".

"Предателем" может стать каждый — такова инструкция особого отдела при армии, и конечно же легче предать Родину имея отношение к ее секретам. Офицер Николай Колеснийченко служил в одной из секретных воинских частей на севере. Он имел отношение к испытанию новых видов топлива для ракет. Однажды Колеснийченко ехал в купе поезда, следующего в Москву. В его сумке был объемный пакет, запечатанный сургучом. В районе Перми неизвестные лица напали на Колеснийченко и похитили секретный пакет.

Вслед за этим группа работников КГБ сняла Колеснийченко с поезда и стала допрашивать, избивая его до полусмерти. Офицера обвинили в сговоре с иностранным агентом и организации инсценировки нападения и похищения документов. В свою очередь Колеснийченко понял, что "ограбление" — дело рук самих агентов КГБ, решивших заработать на продаже секретов, а его обвиняющих только для прикрытия своего преступления. По его словам, это уже не первый случай подобных инсценировок. Один чекист цинично сказал Николаю: "Нам тоже жить надо, а это хорошая возможность заработать".

Нельзя при этом не вспомнить древнее римское изречение: "А кто сторожит сторожей?" И "сторожа" побоялись дать ход делу Колеснийченко, списав все на "болезнь". Колеснийченко пробыл 5 лет в Сычёвке.

Петя Петухов из Брянска с детства мечтал о дальних странах. И перед самым призывом в армию решил отправиться в путешествие. Его поймали пограничники на турецкой границе. И судили как призывника за "измену Родине".

Пете было тогда около 19-ти лет. На суде Петя заявил, что он вольный человек и хотел бы ездить, куда хочет, и жить, как хочет. Суд не понял такой дерзости подданного. Так - рассудили они - может говорить только сумасшедший. И отправили Петю в Сычëвку. За семь лет "лечения" галоперидолом Петя совершенно потерял рассудок. Он стал вести растительное существование. Иногда, приходя в сознание, он вспоминал о своей мечте и спрашивал во сколько она ему обошлась. А сестры, врачи и санитары назидательно говорили ему: "Ну, Петя, будешь знать как бегать за границу!"

Петя так и не вернулся из Сычëвки. Он погиб от отравления печени в 27 лет.

Другой молодой человек Саша Розенков был схвачен при попытке перехода в ФРГ восточно-германскими пограничниками и выдан советской комендатуре в ГДР. Его и его напарника Володю Твердохлеба признали ненормальными психически и отправили в психтюрьмы. Розенкова - в Сычëвку, Твердохлеба - в Смоленск. Саша Розенков пробыл в Сычëвке 4 года, но мог пробыть и больше, если бы не случай. Его избили санитары, избили сильно, сломали челюсть. Мать Розенкова - влиятельная советская работница подняла шум. И лечащий врач Розенкова Елена Максимова предложила сделку: мы выпишем вашего сына, а вы - замните это дело. К счастью для Розенкова сделка состоялась

"Предатели" остаются предателями и после признания их больными. "Предателями" в ГУЛАге называют тех, кто думает иначе, чем советские вожди и лояльные к ним граждане. Люди воспитанные сталинщиной, считают предательством уезд за границу, похвалу заграничному, несогласие с Лениным, осуждение сталинских палачей и многое другое.

Владимир Титов закончил училище КГБ и некоторое время работал в оперативных группах, борясь против "внутренней контрреволюции". Но он очень скоро понял преступную сущность этой зловещей организации. Он убедился, что КГБ ведет борьбу против своего народа, ведет борьбу против правды, охраняет кремлевских мафиози и пытается насадить во всем мире рабство и насилие. Он не видел смысла в каких-либо действиях, направленных против тоталитарного режима, считая эту систему чрезвычайно живучей. Он видел две опоры власти: ложь, дезориентирующую народ, и страх, парализующий силы народа. Он решил бежать. Но его коллеги сорвали план бегства, и Титов получил свои десять лет за "измену".

Во Владимирской тюрьме, где Титов отбывал срок, он не мог оставаться равнодушным к глумлению чекистов над заключенными. За это Владимир Титов испил до дна чашу пыток карцерами и едва не погиб, но чекисты решили нейтрализовать активного арестанта. Титов был отправлен в Сычёвку, где и пробыл три года. На всех комиссиях ему напоминали, что он - "предатель". При этом психическая "болезнь" рассматривалась как отягчающая вину обстоятельство.

Интересна судьба и другого "предателя". Его зовут Владимир Корж. Обвиненный в антисоветской пропаганде Корж был еще в 1962 году признан невменяемым и отправлен в психбольницу в Ленинакане. Оттуда вместе с приятелем, татарским националистом, они бегут в Турцию. Его приятеля Николая Крапивкина убивают пограничники.

Корж скитается по Европе, пока не встречает подругу в Стокгольме. Он женится на ней, у них уже двое сыновей, когда он решается нелегально пробраться в СССР, чтобы повидать

больную мать. Чекисты арестовывают Коржа и отправляют в Ленинградскую психтюрьму до излечения. Через три года Коржа выпускают прямо из зала суда. Но мать к этому времени уже давно похоронена. Корж решает вернуться к семье, но норвежскую границу ему пройти не удалось. Его ловят и отправляют в Смоленскую психушку.

Освободили Владимира Коржа в один день со мной. Корж рассказал мне, что его начинали "лечить" сразу же после того, как он отказывался дать отчет врачам /точнее следователям в маскировочных врачебных халатах/ о своей якобы шпионской деятельности.

Много хлопот было у начальства психтюрьмы с солдатами "предателями" - настолько очевидно было их отменное психическое здоровье. Они легко переносили "лечение" и были полны оптимизма и жизнерадостности. Олег Самойлов, Дмитрий Горбачев, Сергей Джафаров, Владимир Масухин и многие другие солдаты выходили из Сычёвки через 3-5 лет.

Отнюдь не "последние могикане"

Сведенный с ума 18-летним содержанием в психтюрьме, до этого уже отсидевший 8 лет по статье 58¹⁰ Мухамед-ака Мухамедов был простым узбекским крестьянином. Против своей воли он стал колхозником и наивно поверил, что на собрании можно говорить все. И он высказался, сказав, что Сталин далеко от Намангана, но если б с него начать так драть шкуру, как дерут его "соколята" /которые в песне летают вокруг Сталина стайей/ с крестьян, то Он сбрил бы даже усы. Так Мухамедов попал в лагерь. В ГУЛаге тоже очень боются рассуждающих - там нужны работающие. Поэтому Мухамедова со временем перевели в психтюрьму.

Мухамед-ака пробыв в Сычёвке всего год сумел понять, что комиссия - это чистая формальность. И поэтому он решительно отказался участвовать в комиссиях - в "недостойных человека представлениях", в "балагане жандармов в белых халатах", по его выражениям. Более 10-ти лет Мухамедову проводили комиссии заочно.

Другой долгосрочник Сычёвки Николай Брославский пробыл там 18 лет. Его арестовали за шпионаж, обвинив в нелегальном переходе турецкой границы и нелегальное же проникновение из Турции в Армению. Но его вину даже и не стремились доказывать. В Советском Союзе ни один человек не может просто так пересечь границу: он либо выполняет задание иностранной разведки, либо просто "изменяет Родине". Люди, согласно советской доктрине - собственность государства, а поскольку вдобавок они еще и существуют для правительства, а не наоборот, то становится понятной озабоченность правительства сохранностью "собственности" и тем, чтобы эта "собственность" служила государству.

Брославский был собственностью государства и государство предприняло необходимые меры, чтобы сохранить эту заинвентаризованную единицу. Инвентаризация "имущества" в СССР называется пропиской. "Инвентаризации" подлежат все. поголовно. Брославский был обвинен не только в том, что пытался сам себя похитить, но и в том, что уклонялся от инвентаризации.

В больнице Николай Брославский стал терять рассудок и к моменту нашей встречи до 10 раз в сутки выкрикивал на всю зону одну и ту же формулу: "Смерть банде коммунистов, недобитой Адольфом Гитлером!"

Его состояние можно сравнить с состоянием многих, долго пробывших в психтюрьме. Повторение отдельных фраз по нескольку раз в день характерно для доведенных до безумия. Один бывший колхозник, например, бессмысленно по нескольку раз в день говорил: "Человек - это плесень". Другой орал: "Мой отец - Троцкий, а мать - Каплан! Что вам еще надо?" Один майор в отставке ежедневно заклинал: "Ваших голубей мира надо порезать автогеном". А пожилой ветеран ГУЛага каждый день расшифровывал в прямом и обратном порядке зловещую аббревиатуру, придуманную Лениным: "О.Г.П.У." - О, Господи, Помогите Убежать! - Убежишь Поймают Голову Отрубят.

Василий Шипилов - сын сибирского крестьянина обучался в духовной семинарии, когда НКВД заподозрило ряд преподавателей и студентов семинаристов в контрреволюционной деятельности. Шипилов вместе с другими был арестован и обвинен в заговоре с целью свержения Иосифа Сталина. Более 15 лет Шипилов пробыл в ГУЛаге, там же он был своими товарищами-иерархами рукоположен в иеродиакон. Диаконство отца Василия продолжалось недолго.

НКВД объявило его самозванцем и перевело в психтюрьму при лагере. Через 5 лет "сердобольная" комиссия активировала о.Василия, он был "освобожден" из-под стражи и переведен на бессрочное лечение в Сычёвку. Он поступил туда с диагнозом: параноидная шизофрения. А через 6 лет заболел эпилепсией... после жестокого избиения, которому он был подвергнут по приказу врача Елены Максимовой.

Максимова говорит, что она не избивала диакона, но полагала, что он станет немного умнее после этого. А он, мало того, что выжил, но и еще больше стал молиться и креститься.

Летом 1975 года Максимовой предложили сделку: обменять Шипилова на меня. Вначале она обрадовалась /как ей хотелось избавиться от о.Василия!/, но узнав, что Белов - тоже верующий, да еще "психопат", отказалась от этой идеи.

И все же она избавилась от о.Василия - в 1977 году она, наконец, выписала его. После 27 лет психтюрем Шипилов был отправлен в Красноярскую психиатрическую больницу обычного типа. Через 43 года после того как 20-летний юноша был брошен за колючую проволоку ГУЛага - он вышел оттуда под конвоем санитаров, чтобы неизвестно сколько дней и ночей пробыть теперь уже в гражданском сумасшедшем доме.

Я спросил о.Василия - обращался ли он за помощью к патриарху Московскому и всея Руси? Шипилов обращался к возлюбленному во Христе брату Алексию. И брат Алексей отрекся от него не только как от священнослужителя, но и как от брата во Христе. Синод Русской Православной церкви получает десятки лет тысячи и тысячи писем от своих чад, содержащих ужасающие факты расправ за веру в Христа, мольбы и просьбы о помощи. Но иерархи Церкви преступно, предательски по отношению к Христу, молчат. И не только молчат: письма, разоблачающие произвол властей, канцелярия Московского Патриархата передает в... КГБ. Отец Василий был арестован именно по такому провокационному иудиному доносу местоблюстителя Сергия. А потом по доносам патриархов Алексия и Пимена его, о.Василия бросали в нижнем белье в заледеневший карцер, ломали руки и ноги, кололи сульфазинном и аминазином в Сычёвке и наконец разбили голову и сделали эпилептиком.

Товарищ Пимен время от времени позирует перед иностранными журналистами. В 1970 году

по поводу... столетия со дня рождения Ленина он сказал: "Будучи главой духовной жизни в Москве я авторитетно заявляю: за 50 лет советской власти ни один человек не подвергался преследованиям за свои религиозные убеждения". Жалкий лицемер, протитутуирующий веру отцов, если бы только прочел список убитых и искалеченных за веру не отрываясь, ты умер бы от голода, ибо тебе пришлось бы читать этот список сотни дней и ночей подряд!

Люди Божьи, поминайте неустанно в своих молитвах убиенных, искалеченных и заточенных в темницу за веру! И среди прочих поминайте отцов Василия Шипилова, Владимира Карманова, Алексея Котова, Александра Бахрова и Владимира Соловьева, мучимых жестоко в Сычѳвском земном аду. Как можно быть равнодушным к тому, что этих прекрасных, кротких и глубоко верующих людей, священнослужителей не только брили наголо, запрещали носить нательные кресты, запрещали иметь и читать св.Писание, но и избивали после каждого совершенного ими крестного знамения.

"Самые опасные преступники"

Среди больных, содержащихся в Сычѳвской псих-тюрьме, администрация всегда выделяет некоторых, которых оперчасть объявляет "самыми опасными преступниками". Для их регистрации заведена книга, в которую заносят их полные анкетные данные и подклеивают фотографию размером 6 на 9 сантиметров. Затем туда же заносят особые отметки такого рода: "склонен к упрямой агитации", "имеет контакты с диссидентами", "тщательно проверять переписку: может передавать сведения", "имеет контакты с заграницей", "известен за границей", "имеет влиятельных родственников", "имеет организаторские способности" и т.п.

Этих лиц особо пересчитывают по несколько раз в день и проводят им так называемые "обыски - не - по - графику". Их письма и письма, поступающие им, обрабатываются утюгом, просматриваются на свет, опробуются химреактивами. Причем в письмах тщательно анализируется текст, и при малейшем подозрении на шифр - они конфискуются. Обращается внимание и на картинку на конверте. Чтобы сбить с толку адресата, оперчасть предлагает отослать письмо в другом конверте, а подозрительные конверты поступающих писем - уничтожают. Посылки также тщательно проверяются и при подозрении на тайнопись, могущую содержаться внутри банок, банки вскрывают, колбасу и сыр колют и режут, конфеты разворачивают, сигареты выпотрашивают.

Боязнь "утечки информации" так велика, что оперслужба и КГБ психтюрьмы почти половину своей деятельности посвящает этим проверкам.

Приведу один пример "работы" КГБ. Как мне впоследствии удалось установить ст. лейтенант КГБ Серов дважды вычеркивал из моих писем Наталье Горбаневской мои просьбы о том, чтобы она выслала мне носовые платки. Придя однажды в отделение, Серов учинил мне допрос:

- Зачем вам нужны платки?

- Чтобы высмаркиваться.

- Но ведь Горбаневская не хочет Вам их посылать. Почему Вы толкаете ее на преступление и что Вы имеете в виду под "платком"? - И предупредил: - Номер не пройдет.

Однако Наташа получила одно из моих нелегальных писем с просьбой о платках и сразу же их выслала.

Паника охватила КГБ и МВД, когда при вскрытии посылки там оказалось целых шесть носовых платков. Два из них мне разрешили взять. Но один из санитаров выпросил у меня один платок, а другой немедленно донес об этом происшествии в КГБ. В зоне сразу же начался повальный обыск. Санитару изолировали в карцер, меня укололи аминазином, а потом барбитом с кофеином и начали допрашивать. Несмотря на действие препарата, я сказал им, что это всего лишь навсегда носовые платки. Паника возобновилась, когда КГБ не досчиталось одного из четырех оставшихся у медсестры платков. Сестру Валентину Цветкову начали допрашивать.

Но дело внезапно еще осложнилось. Поступили показания санитаров о том, что первый платок из страха ответственности сожжен санитаром, а второй, украденный Цветковой, передан ею санитару для уничтожения. Но он, недотепа, выбросил платок в выгребную яму. Операцию по извлечению платка из фекальной массы возглавлял Лямец в присутствии дававших ценные указания врачей Зеленева, Смирнова, оперативников, уполномоченных КГБ, сестер и санитаров. Платок через три часа сложнейших поисков был извлечен из дерьма и победоносно унесен лейтенантом Серовым для исследования. Позже мне дали прочесть реабилитирующий глупость КГБ рапорт, в котором отсутствие важных улик оправдывалось так: "несмотря на быстрое и своевременное извлечение предмета из тайника /т.е. носового платка из жижи дерьма. - Ю.Б./ под воздействием вредных химических веществ, находившихся в тайнике, следы преступления преступникам удалось скрыть".

Я не сомневаюсь, что при соответствующем указании свыше эти "следы" могли бы быть "обнаружены" и не жить бы тогда Наташе Горбаневской сейчас в Париже - ее бы покарали как "шпионку".

Самыми опасными преступниками числились:

Илим Махаев, чечен, создавший в Москве группу, называющую себя КООП /Кавказская Объединенная Освободительная Партия/, его продержали в психтюрьме более 7 лет.

Ян Крыльский, интернированный в Сычëвку после того, как получил вызов к родственникам в Израиль, и еще два еврея - Илья Горвиц и Эдуард Кац - за отказ от советского гражданства и намерение уехать в Израиль.

Карлен Товмасян, 10-летний узник Владимирской тюрьмы, осужденный за армянский национализм и за пропаганду против Ленина.

Упоминавшийся ранее Виктор Аксенов; украинский художник и поэт Микола Клищ и его земляк философ, историк и поэт Йосип-Яромир Тереля.

Затем Максим Сладкий /он же Владимир Максимов/ многолетний узник психтюрем в Ленинграде, Казани и Сычëвке. /Сладкий - автор поразительно остроумных рассказов "Нина Петроградская", "Уймите сумасшедших", "Мария Ивановна"./

Сергей Денисов, студент московского института кинематографии, пытавшийся освоить сценарий о психтюрьмах в СССР.

Александр Иваницкий, почти слепой рабочий из Иваново, вывесивший в Иваново листовку, осуждающую интервенцию в Чехословакии в 1968 году.

Александр Андреев из Москвы, обвиненный в спекуляции валютой, в то же время разоблаченный КГБ как антисоветчик, ибо в его переписке, частных беседах и дневниках были обнаружены антиправительственные высказывания.

И я - Юрий Белов, дважды судимый за свою журналистскую деятельность и обвиненный в измене Родине за контакты с иностранным журналистом.

Считался опасным преступником и Геннадий Касаткин из Абакана, ранее судимый за грабеж. За его свидетельства о зверствах МВД в Краслаге /близ Красноярска/ и о том, что его самого несколько раз обваривали кипятком, чтобы заставить отказаться от свидетельств убийств и пыток над заключенными в Решетах, Граматске и Агинске в конце шестидесятых годов.

Геннадий Гайфуллин, осужденный при Сталине за воровство по знаменитому "Указу о колосках", за время заключения вновь и вновь был судим, но уже за антикоммунистическую агитацию. Во Владимирской тюрьме от голода он сошел с ума, его одолевали голоса. Но он считался "опасным" и его не выписывали из Сычёвки... по инерции.

Еще одним опасным считался матерый уголовник Владимир Тарасов, по кличке "Колючий". Полностью проигравшийся в карты, "Колючий" не знал как ему избежать расправы уголовников, поэтому он исколот все лицо антиправительственными лозунгами вроде "Раб КПСС", "Долой коммунистов", "Смерть ЧК", "Ленин - бандит" и прочее. Ему неоднократно сводили наколки с лица, но он их восстанавливал. Так он отбыл более 20-ти лет как "политзаключенный". КГБ радовалось возможности разоблачать врага вновь и вновь. Но в 1974 г. его сплавил в Сычёвку, где, по циничному заявлению Серова, "он и сдохнет".

Кое-что о "равенстве"

Советская система отнюдь не представляет собой системы равенства, как полагают на Запа-

де левые. Равенство, пожалуй, проявляется только в одном: все равны в бесправии. Это касается и заключенных, и рабочих, и интеллигентов, и самого Брежнева и его компании.

Сталин, создав систему тоталитаризма, мудро позаботился, чтобы никто даже на самом вер-ху не чувствовал себя носителем каких бы то ни было прав. Все права определяются идеологией, она же и лишает прав всякого, кто не разделяет ее.

Ну, а что касается равенства возможностей, то пропасть между партократом и обычным гражданином непреодолима. Здесь всем известно, что сов-парт-чиновники ранга обкомовского и выше вообще отдаляются от "горячо любимых" ими масс. Пусть массы стоят в очередях, хотя бы за костями, коли мяса нет. Партократу же привезут хорошую свежую вырезку. Пусть массы культурно отдыхают на природе, давая друг друга в автобусах, электричках и наполняя до отказа переполненные пляжи. Партократа доставят на заповедное лоно природы и приставят стражей, чтоб не просочились в эти заповедные места "горячо любимые" массы.

Массы - по мнению партократов - слишком испорчены, много пьют и очень склонны расхищать государственное имущество. И их по заявлению прокуроров - от Крыленко до Руденко - нужно "беспощадно карать". Может провиниться и партократ. Ну выговор ему, озорнику такому, ну перебросить его, чтоб показал себя начальником над новыми массами. А что делать с массами, неуважающими закон? Судить и еще раз судить. Слава Богу, тюрем и лагерей много: на всех хватит.

Меня заинтересовало, а как обстоит дело с этим "равенством" в Сычёвке?

Александр Денисов, сын военного обозревателя газеты "Правда", попавший в тюрьму за грабеж, был быстро сплавлен папашей в Сычёвку и вместо 12-ти лет тюрьмы пробыл около года. Причем сразу же получил отдельную палату, которую не закрывали. Мог выходить из отделения в любое время, ходил свободно по зоне и даже по личному распоряжению Ермакова его выпускали развлечься в Сычёвский поселок. Холодковская подобострастно говорила ему на комиссии:

- Жаль тебя, мальчик /"мальчику" 35 лет и весит он не менее шести пудов/, кабы я знала, что ты здесь, я б раньше, деточка, приехала.

Брат одного из секретарей райкома на Рязанщине Владимир Болтунов искалечил свою жену утюгом, но при помощи брата спасся от лагеря и менее чем через год покинул Сычёвку.

Зеленеев, который в первые дни после поступления Болтунова не знал, какие там заслуги у Болтунова, и только пронюхал, что Болтунов - заядлый шахматист, утверждающий вдобавок, что он "кандидат в мастера спорта", записал в истории болезни: острое маниакальное состояние и назначил лечение от которого Болтунов терял сознание и рвал кровью. Но вот приехал брат. И все узнали, что он член ЦК КПСС, секретарь райкома. Забегал Зеленеев. Всё отменил больному, и новый формуляр истории болезни завел, где написал: "Поступил в состоянии глубокой и устойчивой ремиссии, рекомендован к выписке". И с тех пор Зеленеев забегал по пять раз на день к Болтунову и подолгу общался с ним в кабинете, водил с собой по зоне и играл с ним в бильярд в красном уголке больницы.

Еще один и самый мерзкий тип: сын ответственного партократа из Совмина - Сергей Соловьев. Соловьев влип в крупную авантюру со спекуляцией русскими иконами. Одна банда похищала весьма ценные иконы, другая банда /в которую входил, и играл там далеко не посредственную роль, Соловьев/ эти иконы сбывала иностранцам. По делу этому проходила неофициально и супруга Леонида Брежнева. Кто знает: она или он залили и без того лишь тлевшие головешки следствия. Но ни один из контрабандистов и симулянтов не был осужден. Соловьев чувствовал себя настолько значимой фигурой, что приказывал и Зеленееву, и Ермакову, ходил свободно и открыто презирал "полицейских ничтожеств". Но с тем большим трепетом ходили перед ним на задних лапках каратели в белых халатах.

Так партократы охраняют власть имущих спекулянтов. Формула их равенства весьма откровенна: Михаил Терехин, нижегородский крестьянин, за охапку сена отсидел 25 лет, да еще по "гуманным соображениям", без срока, уже 5 лет сидит в Сычёвке, а соловьевы, ивкины, денисовы, коробковы и другие омерзительные уголовники находят в Сычёвке приятное отдохновение и накапливают силы для новых преступлений.

Черная дыра

Игорь Кушаковский - главный врач сычёвской тюремной психбольницы заметно отличался от всех остальных тюремщиков - без халатов и в халатах. 35-летний, всегда модно одетый, хорошо ухоженный, он легкой походкой заходил в зону с плоским английским чемоданчиком и поднимался к себе в кабинет, куда не проникал никогда ни один больной. "Поработав" час-другой Кушаковский забегал в отделение, где он числился на полставки или же прямо, такой же легкой походкой уходил домой.

Кушаковский любил повторять сильно нравившийся ему тезис: "психиатрия - это черная дыра" в созвездии медицинских наук. Кушаковский был не настолько глуп, чтобы принимать всерьез политическое шаманство института им. Сербского или садистско-глумливый балаган "лечебного учреждения" в Сычёвке. Он читал Кафку, Ионеско, Камю, Уайльда, Достоевского и Ницше и чувствовал себя неизмеримо выше "всей этой сычёвской сволочи".

Тюремное начальство он почти открыто ненавидел и считал за низость разговаривать с ними лишний раз. Почти регулярно Игорь Кушаковский слушал передачи "Голоса Америки" и мечтал о выезде в Израиль, скрывая свою мечту от всех.

Кушаковский прекрасно видел и понимал всю мерзостную сычёвскую свистопляску. Но ни разу не пошевелил и пальцем, чтобы предотвратить убийства и "кулазин", чтобы потребовать у комиссии переосвидетельствовать десятки больных, явно брошенных в сумасшедший дом за свои убеждения.

Я имел с ним знаменательную беседу:

- В ваши функции входят вопросы содержания, питания, лечения больных?

- Нет, я главным образом администратор и все эти мелочи меня не интересуют, на это есть врачи и начальник.

- Как вы, человек образованный, не хотите замечать актов варварства в этом заведении?

- А что я сделаю?

- Но ведь вы - главный врач.

- И только. Но отнюдь не Бог.

- Вы понимаете, что основную ответственность за убийства, избиения, глумление над человеческим достоинством будете нести вы, как главный врач.

- Я не убиваю. Я здесь ни при чем. И вы должны понимать, что все это не мною заведено, и не мне что-то менять.

- Но вы сознаете, что по вашему согласию происходит все это и вы совершаете тягчайшее преступление - преступление против человечности?

- Если б это было так, Юрий, то после таких ваших речей я приказал бы вас заколоть до смерти? Ведь это - элементарно! Я же вас понимаю и оберегаю от многих неприятностей. Вас давно бы уже отправили на тот свет. Я лучше вас знаю этого подонка Зеленева.

- Но как вы можете делать исключение для меня или нескольких лиц, убивая Пронькина, Алевина, Михневича, Левитина, Володина, Хидирова.

- Хватит перечислять. Я все равно знаю больше вас: кого, когда и при каких обстоятельствах...

Мы расстались. Кушаковский, однако, вскоре после обыска, проведенного у него, покинул Сычёвку и устроился в одной из московских психиатрических клиник, а затем выехал в Израиль. Его сменил Царев. Новый главный врач был молчалив и скрытен. Ему доставляло удовольствие по отделениям и лично вывернуть карманы больному, посмотреть не прячет ли больной чего в кальсонах или подолгу стоять и смотреть как шоферы чинят машину, как надзиратели обыскивают заключенных.

Мне кажется, что долг и ответственность врача в сознании этих людей не более чем "чер-

ная дыра". Омерзительны всякие негодяи, но нет омерзительнее негодяев интеллигентных. Около десяти лет организовывал "лечение" больных "интеллигент" Кушаковский. Оставить негодяя в покое, не осудив его преступлений, - значит поощрять его и подобных ему на новые злодеяния.

И здесь я позволю себе напомнить вновь заклинание Александра Солженицына из его знаменитой книги о ГУЛаге:

"...Перед страной нашей и перед нашими детьми мы обязаны *всех разыскивать и всех судить!* Судить уже не столько их, сколько их преступления. Добиться, чтобы каждый из них хотя бы сказал громко:

- Да, я был палач и убийца..."

"... Мы должны судить публично самую идею расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтоб только не выпер наружу - мы *сеем* его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не показывая, даже не порицая злодеев мы не просто оберегаем их ничтожную старость - мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости... Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие".

Врачи-диссиденты

К счастью, однако, не все врачи подобны Кушаковскому, Зеленееву, Цареву, Максимовой и иже с ними. Были и другие врачи, которые не соглашались безоговорочно с приказами начальства психтюрьмы и КГБ.

Заметно отличался от других врач Анатолий Барабанов. Он проявлял интерес к делам политзаключенных, старался познакомиться с ними и

ставил под сомнение их диагнозы. Я познакомился с Анатолием, молодым жизнерадостным врачом, с открытым лицом и казацкими чертами лица, в период, когда врач Зеленеев находился в отпуске. Барабанов очень подоробно расспросил меня об обстоятельствах моего дела и сразу же заявил, что мой диагноз, поставленный профессором Ильинским, как и многие другие "политические" диагнозы, не более как "политическое свинство" института Сербского. Он сразу же и твердо объявил начальству, что не считает психически ненормальными людьми Терелю, Титова, Кукобаку, Белова и Крыльского.

Чем только мог, Барабанов помогал политзаключенным и открыто им говорил, что их могут продержать в психтюрьме столько, сколько вздумается КГБ. Собственно, это не было секретом ни для начальства, ни для других врачей. Все это знали и никто, кроме некоторых, не осуждал подобное положение дел.

Зеленеев особенно не любил Барабанова и не раз доносил на него в КГБ. Но выжить его ему долго не удавалось, потому что Барабанов был прекрасным врачом, неустанно пополняющим свои знания. Обходительный и внимательный к больным, он пользовался их всеобщим уважением.

В 1973 году Зеленеев донес начальству, что в его отсутствие Барабанов давал мне читать историю моей болезни. Анатолий, встретив Зеленеева в зоне обозвал его "кагэбистской сволочью". Тем временем другой врач Юзеф Буть выкрал у Зеленеева из кабинета его удостоверение внештатного сотрудника КГБ и передал его Барабанову. На собрании сотрудников больницы Барабанов показал всем этот документ и заявил, что ему нечего делать в одной компании с жандармами.

После этого Зеленеев сделал все, чтобы затравить Барабанова, он не гнушался самой низкой клеветой. Вместе с лейтенантом Серовым из КГБ они организовали ограбление квартиры Барабанова. Изъятые при такого рода "обыске" подозрительные рукописи и письма стали поводом для увольнения Барабанова.

Он уехал на Дальний Восток и писал своему другу Валерию Сазонкову оттуда письма. Потом врач Сазонков перестал получать письма от Анатолия. А в 1976 году в январе месяце Нина Лямец сообщила мне, что Барабанов большой человек, и то, что он пытался скомпрометировать ее мужа Леонида, не прошло ему даром. После следствия его отправили в Благовещенскую психтюрьму - закончила, вся сия от счастья, Нина Лямец.

Друг Барабанова Валерий Сазонков был человеком терпимым, но не настолько отчаянным, как Анатолий. /В разговоре со мной он как-то сказал: "Я бы в твоём положении повесился"./ Но тем не менее Сазонков категорически отказался "лечить" Михаила Кукобаку и отказался даже разговаривать с сотрудниками КГБ.

- Я - врач! - сказал тогда Сазонков. - И больше ничего.

Впоследствии тюремное начальство за несговорчивость сняло его с должности заведующего отделением и понизило в должности.

К этому кругу примыкала и Ольга Макарова, молодая и красивая женщина, муж которой был осужден по весьма туманному обвинению. Макарова тоже интересовалась судьбой политзаключенных и категорически отвергала шантаж КГБ. Йосипа Терелю, который был в ее ведении, она считала совершенно нормальным человеком и "лечить" отказывалась. КГБ ока-

зывало на нее постоянный нажим, дважды ее квартира подвергалась облавам КГБ, причем у нее рвали книги, конфисковали письма и ломали грампластинки с записями Баха и Генделя.

В 1974 году она подверглась нападению неизвестных лиц, которые своими угрозами не оставляли никакого сомнения в том, что они были агентами КГБ. Они называли ее "антисоветской шлюхой", угрожали выколоть ей глаза и переломать ноги, если она не прекратит связи с антисоветчиком Терелей. Затем ее изнасиловали. И, наконец, ее внезапно уволили, обвинив в "моральном разложении". Основанием для этих обвинений, кроме всего прочего, послужило "неучастие Макаровой в общественной жизни больницы".

О судьбе Ольги Макаровой ничего не известно кроме того, что после отъезда из Сычевки в Смоленск ее вызывали на допросы в КГБ. Об этом сообщила ее подруга.

Группу молодых врачей, прибывших в сычѳвскую психтюрьму на прохождение интернатуры, - Ирину Королеву, Владимира Гуревича и Владимира Москалькова - тюремное начальство всячески предупреждало о недопустимости контактов с политзаключенными. Однако молодые врачи сразу же поняли, что политзаключенные - нормальные люди. Они очень возмущались чисто тюремными порядками в спецбольнице, но выступать открыто не решались, хотя и не хотели брать на себя ответственность за карательное лечение.

Летом 1975 года Москалькова вызвали неизвестные лица на вахту больницы и предложили пройтись с ними для беседы. Один из них лейтенант КГБ Серов подвел Москалькова к машине и велел сесть в нее. В машине сидел солидный чиновник, который в течение разговора предложил Москалькову сотрудничать с властями и

регулярно сообщать "о всех действиях Юрия Белова против советской власти". Они при этом попросили сейчас же сообщить о намерениях Белова. Москальков отказался представить им какие-либо сведения обо мне, мотивируя это тем, что он может говорить о внутренних вопросах только с разрешения тюремного начальства.

Позднее Москальков был отстранен от должности заведующего отделением и переведен на должность ординатора. В это же время Ирина Королева порвала контракт с МВД и уволилась из-за настойчивых требований Ермакова, пытавшегося склонить ее к доносам на своих товарищей. Врач Максимова запретила Владимиру Гуревичу посещать Сергея Денисова и разговаривать с ним, поскольку была уверена, что все молодые врачи способствуют "утечке секретной информации" из больницы.

Уроки Сычёвки

Выписывая меня из Смоленской психтюрьмы Софья Позднякова поинтересовалась:

- Ну, извлекли вы какой-нибудь урок из пребывания в Сычёвке?

Сейчас мне хочется ответить мадам Поздняковой на этот вопрос.

Я несомненно извлек урок - и не один.

Во-первых, я понял, что нет ничего удивительного в существовании подобных оазисов ужаса в стране, где все остальное отличается лишь по форме и по масштабам, но не по сути дела. Оно неизбежно и для власти необходимо.

Во-вторых я понял, что в стране, где люди разделяются на палачей и на их жертв, нельзя позволять садиться себе на голову. И чем

больше покорности, тем сильнее произвол. Разумеется, совершенно неприемлемо для людей, борющихся против беззакония, оказывать сопротивление теми же методами, какими действуют палачи. Но все же жертва должна постоянно и категорично осуждать действия палачей и разъяснять им неустанно из беззаконность. При этом люди не должны идти ни на какие уступки палачам. И во время заключения и после освобождения. /В дни неволи чекистам удается склонить некоторых репрессированных к сотрудничеству с ними, а после освобождения многие из страха помогают палачам скрывать свои преступления./

И, в-третьих, следует всегда помнить, что для преступлений хороша ночь. И редко кто из преступников решается на разбой среди бела дня, на глазах у свидетелей. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что гласность всегда останавливает ретивость палачей. Не только наказание или угроза возмездия, но даже обличение пугает исполнителей преступления. Чекисты беспредельно наглы лишь в условиях полной негласности. И стоит им узнать, что их жертва не одинока и привлекает к себе внимание западной прессы, как они нажимают на тормоза.

В моем случае помощь Анатолия Краснова-Левитина, который сообщил западным журналистам о произволе тюремных врачей против меня, не упразднила террор совершенно, но смягчила его весьма ощутимо. Зеленева и другие палачи в отношении меня действовали уже с оглядкой. А после создания Комитета, выступившего в Париже за мое освобождение, неуступчивые профессора института им. Сербского сочли необходимым подкорректировать диагноз и освободить меня.

Лямец и Царев намеревались убить политзаключенного Владимира Титова, но не посмели после

того, как об этом намерении стало известно в Москве и чекисты получили письма, содержащие такого рода опасения.

Йосип Тереля был избавлен от мучительного и могущего ему стоить жизни, ввиду язвы желудка, курса "лечения" заступничеством выдающегося правозащитника Миколы Руденко.

Наталья Горбаневская в свое время своим заступничеством за Михаила Кукобаку избавила его от расправы врачей в Сычёвке.

И, наконец, Рабочая Комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях в лице Александра Подрабиника, Вячеслава Бахмина, Ирины Каплун и Феликса Сереброва помогли многим узникам психтюрем сохранить свое человеческое достоинство, не поддаваться на шантаж КГБ и, что самое главное, - уберечься от физических расправ.

И пусть не опасаются люди, что КГБ будет вымещать злобу после сообщений в печати на своих жертвах. Мне не известно ни одного случая, чтобы после таких сообщений кого-либо убили или искалечили. Напротив, администрация вынуждена в таких случаях идти на уступки узникам: им стали разрешать читать и писать, вести переписку и перестали "лечить".

Майор КГБ Станкевич пожаловался мне как-то, что иностранные журналисты своими сообщениями буквально связывают им руки и сокрушался:

- Они мешают нам работать.

Понятно, что идет речь о такой "работе", которая вызывает возмущение мировой общественности.

Историческое решение конгресса психиатров в Гонолулу и широкое обсуждение вопроса о по-

прании прав человека в СССР в рамках Хельсинкских соглашений связывают руки палачам, воистину мешают им "работать".

Понимая, что процесс развенчания диктатуры в Советском Союзе необратим после таких мощных ударов по престижу СССР какими были "Архипелаг ГУЛаг" Александра Солженицына, открытая и бесстрашная деятельность нобелевского лауреата Андрея Сахарова и сплотившихся вокруг него во все увеличивающемся числе правозащитников, конгресс психиатров в Голулу и Белградское саморазоблачение кремлевских властителей, власти в СССР испытывают страх и смятение и предпринимают нелогичные и порою нелепые в своей глупости и жестокости действия. Теперь они вынуждены считаться с бывшими своими жертвами - Петром Григоренко, Владимиром Буковским, Леонидом Плющем, Натальей Горбаневской и др.

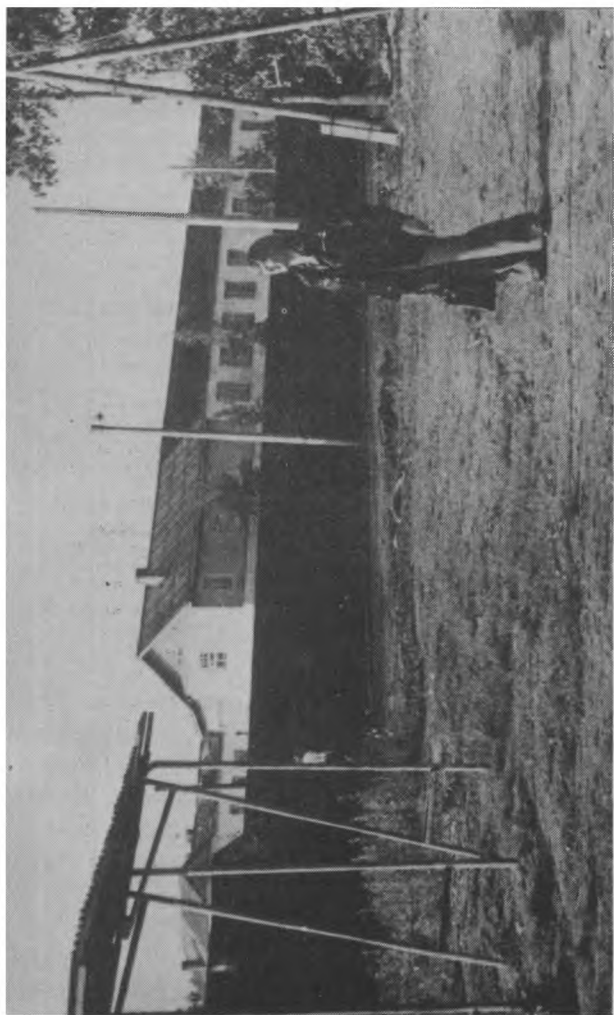
Сычëвками они готовили урок запугивания честных и озабоченных судьбами своей родины людей, но сычëвки обернулись против них самих, преподав урок им, урок страха перед лицом всего человечества. Они посеяли плевелы, чтобы заглушить ростки свободомыслия, но эти плевелы заглушили их слащавое лицемерие, слащавее бесправие и рабский труд.

В этом я вижу основной урок Сычëвки.

Рославль, 21 марта 1978 г.

Фото на стр. 101: Ю. Белов у стен Сычевской СПБ.

УЗНИКИ СЫЧЁВКИ

Аксенов В.	Лапунов М.
Алексеев В.	Левитин А.
Алехин В.	Логачев Г.
Андреев А.	Лом-Лопата Ф.
Багдонас И.	Мальшев К.
Барченков Н.	Максимов В.
Белов Ю.	Масухин В.
Бобков В.	Махаев И.
Болтунов В.	Михневич В.
Бороздин Л.	Мухамедов М.
Брославский Н.	Петухов П.
Вальков В.	Пронькин В.
Володин Н.	Репин В.
Гайфуллин Г.	Репин П.
Горбачев Д.	Розенков А.
Горвиц И.	Ротштейн Ю.
Гусев М.	Самойлов О.
Денисов А.	Соловьев В.
Денисов С.	Соловьев С.
Дехнич Г.	Тарасов В.
Джафаров С.	Твердохлеб В.
Ефремов Г.	Тереля Й.
Журавкин Л.	Терехин М.
Иваницкий А.	Титов В.
Каменский Н.	Товамасын К.
Карманов В.	Улецкий И.
Касаткин Г.	Хансов Д.
Кац Э.	Хидиров В.
Колеснийченко Н.	Шипилов В.
Косилов В.	Ямашкин А.
Котов А.	
Крапивкин Н.	
Крыльский Я.	
Кукобака М.	

ПАЛАЧИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Афанасьева В.

Бобров В.

Буть Ю.

Громов Н.

Деева М.

Ермаков В.

Зеленеев А.

Ильинский

Кушаковский И.

Ландау Я.

Лунц Д.

Лямец Л.

Лямец Н.

Максимова Е.

Моисенкова Т.

Петрович А.

Пискунова Л.

Позднякова С.

Попов В.

Рыбкин П.

Смирнов Н.

Снежневский А.

Туркина З.

Холодковская Е.

Царев В.

Цветкова В.

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н

- Аксенов В. 50,63,64, 86
 Алексеев В. 19,23,41
 Алексей, патриарх 82
 Алехин В. 21,92
 Андреев А. 86
 Андропов Ю. 60
 Афанасьева В. 23,24, 42,43,45,46
 Афанасьев 13
- Багдонас И. 75,76
 Бадейкин А. 28,53
 Барабанов А.35,93-95
 Барченков Н. 53
 Бахмин В. 99
 Бахров А. 82
 Белов Ю. 7,19,82,87, 93,94,97
 Белогородская И. 51
 Бобков В. 66
 Бобров В. 56
 Болтунов В. 89
 Бороздин Л. 47,48
 Брежнев Л. 16,60,71, 88,90
 Брославский Н. 80
 Буковский В. 6,61,100
 Буть Ю. 27,94
 Бухарин Н. 17
- Вальков В. 63-66
 Володин Н. 50,92
- Гайфуллин Г. 87
 Галансков Ю. 61
 Герстенмайер К.54,55
- Глод А. 6
 Горбачев Д. 79
- Горвиц И. 86
 Горбаневская Н. 54,60 61,70,84,85,99,100
 Григоренко П. 61,100
 Громов Н. 42
 Гуревич В. 62,96,97
 Гусев М. 14,19,23
- Дакарс В. 52
 Даниэль Ю. 71
 Деева М. 21,22,24,45, 46
 Денисов А. 86,89,97
 Дехнич Г. 21,53
 Джафаров С. 79
 Дюран Ш. 54,55
- Ермаков В. 35-41,44, 89,90,97
 Есенин-Вольпин А. 61
 Ефремов Г. 24-28,42
- Журавкин Л. 47
- Зеленеев А. 16,17,24, 25,27,47,49-53,64,71, 72,85,89,90,92-95,98
- Иваницкий А. 86
 Ильинский 5,94
 Иофе О. 61
 Исаев В. 5
- Каменский Н. 50,62, 70-72
 Каплан Ф. 81
 Каплун И. 99
 Карманов В. 82
 Касаткин Г. 87
 Кац Э. 50,86

- Клищ М. 86
 Коган Э. 49
 Колеснийченко Н. 76
 Корж В. 78,79
 Королева И. 96,97
 Косилов В. 33
 Котов А. 82
 Крапивкин Н. 78
 Краснов-Левитин А.
 51,98
 Крыльский Я. 17,86,
 93,94
 Кукобака М. 73,93-
 95,99
 Кушаковский И. 49,
 90-93
- Ландау Я. 66
 Лапунов М. 23,28-
 31,41
 Левитин А. 38,39,92
 Ленин В. 30,74,81,
 86,87,92
 Леонович Г. 33,68,75
 Логачев Г. 66
 Лом-Лопата Ф. 50,74
 Лунц Д. 60
 Лямец Л. 31-37,41,
 75,85,95,98
 Лямец Н. 31,35,95
- Малышев К. 72,73
 Макарова О. 9,35,
 95,96
 Максимов-Сладкий В.
 50,86
 Максимова Е. 50,77,
 81,82,93,97
 Мао-Цзе-дун 71
 Маркс К. 71
 Масухин В. 79
 Махаев И. 86
- Михайлов Г. 19,44,45,
 47,50
 Михневич В. 21,92
 Моисенкова Т. 24-27
 Морозов Г. 66
 Москальков В. 52,62,
 96,97
 Мухамедов М. 79,80
- Павел VI 55
 Петрович А. 52
 Петухов П. 76,77
 Пимен, патриарх 55,82
 Пискунова Л. 18-22,31,
 45,47,52,59
 Плюц Л. 61,100
 Подрабинек А. 99
 Позднякова С. 54-56,97
 Попов В. 56
 Пронькин В. 50,72,92
- Репин В. 42,43
 Репин Н. 66
 Розенков А. 77
 Ротштейн Ю. 34
 Руденко М. 99
 Руденко Р. 82
 Рыбкин П. 54-56,61,
 62,66
- Сазонков В. 95
 Самойлов О. 79
 Сахаров А. 13,16,36,
 54,73,100
 Сергей, патриарх 82
 Серебров Ф. 99
 Серов 40,84,85,87,95,
 96
 Синявский А. 71
 Скоромный Ф. 70
 Скорцени О. 74
 Сладкий М. 50,86

Смирнов Н. 26,31,38, 50,64,85
Снежневский А. 66
Солженицын А. 5,13, 16,36,59,73,93,100
Соловьев В. 82
Соловьев С. 89,90
Сталин 16,29,30,31, 79,81,88
Станкевич 51,72,75, 99

Тарасов В. 87
Твардовский А. 63,67
Твердохлеб В. 77
Тереля И. 62,86,93- 96,99
Терехин М. 90
Тилк Э. 24,30,68
Титов В. 78,93,94, 98
Товмасян 86
Торубаров 56
Троцкий Л. 81
Туркина З. 56
Тухачевский 16

Улецкий И. 50

Файнберг В. 61

Хансов Д. 17
Хидиров В. 23,92
Холодковская Е. 27, 56-62,70,71,89
Хрущев Н. 29,64

Царев В. 43,50,92, 93,98
Цветкова В. 40,45,85

Чалидзе В. 51

Шпилов В. 50,81,82
Штирлиц 17

Эйзенштейн С. 43

Якир П. 51
Ямашкин А. 48

С О Д Е Р Ж А Н И Е

"Из-под стражи освободить"	5
Больница	8
Отделение	11
Палата	14
"Штирлиц"	15
Старшая сестра	18
"Хватит, мальцы!.."	21
Масло: "через дальняк!"	24
"Коммунист" и коммунисты	28
Дело майора Лямеца	31
"Тачки Ермакова"	35
"Покатили!"	39
Из-за пачки сигарет	43
"Сменилось состояние"	47
Тайна выписки	53
Стенотерапия	59
"Летучие Голландцы" советской юстиции	63
Ужас Сей-Сёнагон	66
"Ну, будете еще писать?"	70
Неинтеллигентные диссиденты	72
"Предатели"	75
Отнюдь не "последние могикане"	79
Самые опасные преступники	83
Кое-что о "равенстве"	87
Черная дыра	90
Врачи-диссиденты	93
Уроки Сычëвки	97

Узники Сычѣвки	102
Палачи в белых халатах	103
Указатель имен	104

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ
"ВОЛЬНОГО СЛОВА"

- Выпуск 1: "Хроника текущих событий" № 21. - Меморандум Демократического движения Советского Союза Верховному Совету СССР.
- Выпуск 2: "Хроника текущих событий" № 22. - В.Чалидзе. "Ко мне пришел иностранец". - "Духовное прозрение" Льва Краснопевцева.
- Выпуск 3: "Хроника текущих событий" № 23. - Суд над Владимиром Буковским.
- Выпуск 4: "Хроника текущих событий" №№24,25.
- Выпуск 5: "Хроника текущих событий" № 26. - "Сеятель" №№ 1 и 2.
- Выпуск 6: "Хроника текущих событий" № 27. - Россия и Церковь сегодня. - Церковь и власть. - Бюллетени №№ 6 и 7 Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР.
- Выпуск 7: "Свободная мысль" № 1. - Три листовки Гражданского комитета.
- Выпуск 8: Р.И.Пименов. Один политический процесс.
- Выпуск 9-10: "Вече" № 5. - Феликс Карелин. По поводу письма о.Сергия Желудкова А.Солженицыну.
- Выпуск 11: Документы по делу Леонида Плюща.
- Выпуск 12: М.Я.Макаренко. Из моей жизни.
- Выпуск 13: М.А.Ланда. Вместо последнего слова. - В.Альбрехт. Свидетель по собственному делу. - Заявления В.Осипова, А.Твердохлебова, Е.Барабанова, Е.Боннэр, А.Марченко, А.Сахарова, Г.Подъяпольского и др.
- Выпуск 14-15: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974.
- Выпуск 16: Ре Патриа № 1. Сборник материалов о проблемах немцев Советского Союза.

- Выпуск 17-18: Из журнала "Вече" №№ 7,8,9,10.
Статьи В.Осипова, В.Капитанчука, Ф.Карелина, о.Глеба Якунина, М.Агурского и др.
- Выпуск 19: Пытки заключенных в тюрьмах Грузии.
- Выпуск 20: Из журнала "Земля" №№ 1 и 2.
Статьи В.Осипова, В.Родионова, И.Шафаревича, В.Машковой, И.Ратмирова, Г.Шиманова, А.Левитина-Краснова, Ю.Галанскова, Г.Балашова и др.
- Выпуск 21: Из-за колючей проволоки. Заявления политзаключенных В.Черновола, В.Буковского, В.Стуса, В.Романюка, М.Джемила и др.
- Выпуск 22: ВСХСОН /Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа/. Материалы суда и программа.
- Выпуск 23: "Хроника Архипелага ГУЛаг", выпуски 1,2,3,4.
- Выпуск 24: Сопrotивление религиозным преследованиям. Документы о.Глеба Якунина, Льва Регельсона, о.Сергия Желудкова и В.Барлодяну.
- Выпуск 25-26: Группа Содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документы.
- Выпуск 27: В.Альбрехт. "Как вести себя на обыске". - Заявления А.Марченко, В.Некипелова, О.Мешко, В.Войновича, Т.Ходорович, М.Ланды, В.Осипова и др.
- Выпуск 28: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Документы.
- Выпуск 29: Марк Поповский. Июньские новости /сборник статей/.
- Выпуск 30: Свободный профсоюз трудящихся. Устав и другие документы.
- Выпуск 31-32: Рабочая комиссия по расследо-

ванию использования психиатрии в политических целях. Информационные бюллетени.

Выпуск 33: Свящ. Дмитрий Дудко. "Враг внутри" /сборник статей/. - "В свете преображения" /еженедельная православная газета/.

Выпуск 34: СМОТ /Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся/. Информационные бюллетени.

Выпуск 35-36: Свящ. Глеб Якунин. О современном положении Русской Православной Церкви и перспективах религиозного возрождения России. Доклад Христианскому комитету с приложениями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ”

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное» (4 раза в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском и немецком языках.

При издательстве — книжный склад.

POSSEV-VERLAG · POSSEV-REDAKTION
D-6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15
Tel. Verlag: (0611) 34 12 65 · Tel. Redaktion: (0611) 34 18 19
Postscheckkonto 33461-608, Ffm.
Dresdner Bank AG Frankfurt/Main, Kto. 2412 755

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ. **S. Sesin**, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic. 3127.

АВСТРИЯ. **L. Rudkevitch**, Razumovskygasse 9-11/23, A-1030-Wien, Tel. 735109.

АНГЛИЯ. **G. L. Rahr**, 18 Downs Rd., Beckenham/Kent BR32JY.

БЕЛЬГИЯ. **В. Р. 1094**, 1000 Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. **I. Alexandrow**, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. **DYTA**, Apartado del Correo 51.241 z. p. 105, Caracas.

ГОЛЛАНДИЯ. **Postbus 325**, Rotterdam.

ДАНИЯ. **D. Schewitsch**, Admiralgade 22 II, DK - Kopenhagen K, Tel. 15 37 32.

ИЗРАИЛЬ. **M. Nudelman**, Russian Books, Merkaz Hanegev. Beer-Sheva.

ИТАЛИЯ. **A. Konovets**, Casella Postale 429, Roma-Centro.

КАНАДА. **Stella Birger**, 34 Walmer Rd., Apt. 805, Toronto, Ont. M5R 1E3.

НОРВЕГИЯ. **Jan Evland**, Klemetsrud, Oslo. Tel.: 28 48 26.

США. **V. Molchanov**, P. O. Box 582, Flushing, NY 11352

• **M. Iwanow**, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101

• «**Possev**» Representative, P. O. Box 2643, Culver City, CA 90230

• **L. Schiller**, 24 Milton St., Malden, MA 02148.

ФРАНЦИЯ. «**Possev**», 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris. Tel.: 250 — 62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. **Leo Grossen**, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ. **Tidskriften «Possev»**, Box 4054, 15104 Södertälje.

ЯПОНИЯ. **Mr. Terumasa Takahashi**, Saruwatari Usa-shi, Oita-ken.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80
